

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОНД ПОДДЕРЖКИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ПРОЕКТОВ

БИБЛИОТЕЧКА ЦЕНТРА РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ПРОЕКТОВ

ИМИДЖ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ
праваистории.рф
truthrussia.ru

Б.Н. БЕССОНОВ

СОВЕТСКИЙ НАРОД – СПАСИТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В четырех частях. Часть первая

Москва
Гуманитарий

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОНД ПОДДЕРЖКИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ПРОЕКТОВ

Серия

«Библиотечка Центра развития
социально-гуманитарных проектов»

Из цикла

«ИМИДЖ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ»
праваистории.рф
truthrussia.ru

Б.Н. БЕССОНОВ

СОВЕТСКИЙ НАРОД – СПАСИТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В четырех частях. Часть первая

Москва
Гуманитарий
2015

УДК 94(47+57)"1941/1945"

ББК 63.3(2)622

Б53

Бессонов, Борис Николаевич.

Советский народ – спаситель человечества. В 4 ч. Ч. 1 / Б. Н. Бессонов ; Нац. фонд поддержки социал. программ, Центр развития социал.-гуманитар. проектов. – М. : Гуманитарий, 2015. – 64 с. : ил. – (Серия "Библиотечка Центра развития социально-гуманитарных проектов". Из цикла "Имидж России в контексте исторической правды"). – ISBN 978-5-91367-113-4.

В нынешнем – 2015 году наш народ, все честные люди торжественно отмечают 70-летие Великой Победы над фашизмом. Эта годовщина Победы побуждает нас с уважением и благодарностью вспомнить всех тех, кто самоотверженно сражался с фашизмом, кто был его мучеником, кто отдал свою жизнь на алтарь великой победы над фашизмом.

Советские, российские ученые, исследователи из многих других стран, начиная с 20 – 30-х годов XX в., разоблачали и разоблачают классовую суть фашизма, жестокий характер его господства и диктатуры, направленные против прогрессивных слоев общества и демократии, агрессивные, империалистические устремления фашизма, захватнические, грабительские планы, преступные, бесчеловечные цели.

Долг перед советским народом, перед памятью тех, кто сражался и победил фашизм, требует выступить против фальсификаторов истории, еще раз вернуться к феномену фашизма, чтобы разоблачить его преступное лицо и подчеркнуть величие борьбы и победы над фашизмом нашего великого народа.

ББК 63.3(2)622

При реализации проекта использованы средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 25.07.2014 №243-рп и на основании конкурса, проведенного Обществом «Знание» России

ISBN 978-5-91367-113-4

© Национальный Фонд Поддержки
Социальных Программ, 2015

© Академия гуманитарных исследований, 2015

© Издательский дом «Гуманитарий», 2015

© Б.Н. Бессонов, 2015

Советский народ — спаситель человечества

Часть первая

ВВЕДЕНИЕ

В 1945 году закончилась небывалая в истории по своему размаху и ожесточенности борьба против наиболее реакционной ударной силы империализма — прежде всего гитлеровского фашизма, ставившего себе цель поработить народы и установить мировое господство.

Фашизм, войны, развязанные фашистами, принесли народам неисчислимы страдания. 56 млн человек было убито, свыше 90 млн ранено, 28 млн осталось инвалидами. От голода и эпидемий умерло 12 млн человек. Были уничтожены огромные материальные ценности.

Годы фашизма были страшными годами насилия и террора. Человечество не может, не вправе забыть зверства фашистов, их чудовищные преступления, совершенные в Советском союзе, Польше, Югославии, Чехословакии, во Франции и других странах Европы. Человечество не может, не вправе забыть лагеря смерти, газовые камеры, костры из живых людей.

«В памяти народов навсегда останутся кошмарные картины гитлеровского ада: дети в одних рубашонках, полуобнаженные женщины, мужчины в нижнем белье, в ужасе застывшие перед длинными ямами — могилами, в которые они падут через мгновенья, скошенные пулеметами эсесовских «особых команд», огромные печи крематориев и мрачные трубы «фабрик смерти», где были превращены в прах миллионы людей; газовые камеры со смотровыми глазками, где людей душили под тщательным научным наблюдением; сложенные как поленья трупы умерших от голода; бараки концлагерей полные одежды и обуви замученных жертв, и среди этой груды — совсем крохотные детские башмачки». (Абуш А. Ложный путь одной нации. — М., 1962. С. 259).

В борьбе с фашистскими захватчиками погибло 27 млн советских людей, среди них 18 миллионов мирных жителей, в том числе дети, женщины, старики. Сотни тысяч советских людей зверски замучены в фашистских лагерях смерти, свыше 6 млн советских граждан были угнаны в Германию на рабский труд.

Неисчислимы материальный ущерб, нанесенный фашистами советскому народу. В результате агрессии германского фашизма Советский Союз потерял 30% своего национального богатства. Разрушены сотни городов, сожжены тысячи поселков и деревень.

Война фашистской Германии против СССР с самого начала была беспрецедентной, не имеющей аналогов в прошлом. Как отмечает немецкий исследователь фашизма И. Фест, по своей сути и морали эта война «представляла собой нечто совершенно новое – она была как бы третьей мировой войной». Гитлер ставил задачу не просто нанести военное поражение Советскому Союзу; его цель была – ликвидировать Советское государство, истребить, поработить русский, все советские народы.

Фашистские главари просчитались. Советский Союз одержал великую победу над фашизмом.

В нынешнем – 2015 году наш народ, все честные люди, все человечество торжественно отмечают 70-летие Великой Победы над фашизмом. Эта годовщина победы дает нам законный повод испытать чувство огромного морального удовлетворения в связи с нашей способностью противостоять мощной ударной силе мировой реакции и победить ее, противопоставить всему темному, мрачному, жестокому в человеческой истории чистый и светлый разум, ненависть к рабству и порабощению, любовь к свободе, свободе личной и свободе своей Родины. Эта годовщина Победы побуждает нас с уважением и благодарностью вспомнить всех тех, кто самоотверженно сражался с фашизмом, кто был его мучеником, кто отдал свою жизнь на алтаре великой победы над фашизмом.

Оценивая великий вклад Советского народа в победу над фашизмом, выдающийся государственный деятель Великобритании У. Черчилль заявлял в палате общин в сентябре 1944 года: ...Мы не должны никогда забывать о несоизмеримом

вкладе, сделанным в общее дело Россией. На протяжении долгих лет безмерных страданий она выбивает дух из германского военного чудовища... Я считаю себя обязанным подчеркнуть, что Россия сковывает и бьёт гораздо более крупные силы, чем те, которые противостоят союзникам на Западе, и что она на протяжении долгих лет, ценой огромных потерь несла основное бремя борьбы на суше¹. В своём послании И.В. Сталину У. Черчилль подчёркивал: «Именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины и в настоящий момент сдерживает на своём фронте несравнимо большую часть сил противника».

Сегодня существует огромнейшая масса научной и публицистической литературы о фашизме. Советские, российские ученые, исследователи из многих других стран, начиная с 20–30-х годов XX в., разоблачали и разоблачают классовую суть фашизма, жестокий характер его господства и диктатуры, направленные против прогрессивных слоев общества и демократии. Ими разоблачаются агрессивные, империалистические устремления фашизма, захватнические, грабительские планы, преступные, бесчеловечные цели — одни народы и государства полностью уничтожить, других полностью поработить.

Прогрессивные и демократически настроенные ученые, политики и публицисты и сегодня предостерегают об опасности фашизма. В условиях мировых кризисов реакционные силы легко «фашизируются», могут снова прибегнуть к фашистским средствам и приемам сохранения своей власти, попытаться установить свою террористическую диктатуру и развязать агрессивную войну за осуществление своих экспансионистских планов.

Но современные поколения извлекли и продолжают извлекать уроки из страшного прошлого, когда фашизм был реальной угрозой миру, когда фашисты убивали миллионы людей, подавляли, поработали целые страны и народы. Изменилась и Германия, в которой фашизм обрел свои самые отвратительные, самые жестокие черты. В частности, внушает доверие и привносит успокоение тот факт, что большинство немцев, принадлежащих к современным поколениям, все больше обращаются к трезвым и деловым аргументами. Они

отказываются от мрачной темноты и жестокостей прошлого, от химерических видений будущего и ориентируются на современные реальности.

Если до недавнего времени многие в Германии отказывались воспринимать 8 мая 1945 года как День Освобождения от фашизма и, напротив, подчеркивали трагизм этой даты — дня поражения Германии, то такие выдающиеся немцы, как бывший президент ФРГ Р. фон Вайцеккер, бывший канцлер ФРГ, лидер немецкой и, в сущности мировой, социал-демократии на протяжении трех десятилетий В. Брандт, бывший канцлер ФРГ Г. Шрёдер со всей определенностью заявили, что считают 8 мая 1945 года Днем Освобождения. В. Брандт и Г. Шрёдер, проявив мужество, волю и совесть, преклонили в Варшаве колени перед жертвами фашизма. Ясно, что такие поступки политических деятелей выражают и изменяющиеся настроения в массах населения Германии. Все это, бесспорно, — преграда фашизму.

Тем не менее, и немцам, несмотря на то, что их страна является сегодня, пожалуй, одним из самых демократических и социально ориентированных государств, нельзя обольщаться, нужно быть самокритичными, более бдительными. Одновременно этими качествами должны обладать все народы, ибо в любой стране могут возникать или вновь пробуждаться фашистские и родственные им проявления. Их питают определенные социально-экономические и политические условия, для них имеются также некоторые психологические предпосылки. Ясно, что пока те или иные социальные группы испытывают чувство неуверенности, бесперспективности, агрессивности, будут действовать факторы, благоприятствующие фашизму или неофашизму.

В каждом народе, в каждой стране можно найти немало психологических предпосылок к жестокости и насилию, т.е. в конечном счете, к фашизму: необеспеченность существования, страх, бездумность, неведение, несбывшаяся жизнь. Именно поэтому, как ни горько это признавать, польский писатель К. Брандыс прав, считая, что «фашизм существует на земле повсюду...».

И все же фашизм — исторически обусловленное явление. Должны появиться определенные политико-исторические условия, которые позволили бы откровенному насилию и жестокости проявиться в массовом масштабе, более того утвердиться и закрепиться в государственной форме. В классическом виде эти условия возникли в Германии в 20-е — 30-е годы XX в.; именно поэтому К. Брандыс вышеупомянутое суждение о фашизме обоснованно дополнял следующими словами: «...но немцы были в нем классиками».

70-я годовщина Победы над фашизмом является суровым предостережением всем нам, каждому народу: помнить, что фашизм рожден империализмом, что в условиях кризиса империализм может прибегнуть к самым террористическим методам насилия по отношению как к трудящимся массам своей страны, так и другим народам.

Фашизм, прежде всего «классический» — германский, принес страшные несчастья человечеству. Но поскольку еще «плодоносить способно чрево гада» (Б. Брехт), постольку необходимо последовательно и принципиально разоблачать преступное, бесчеловечное лицо фашизма. Особенно важно вскрывать его социальные предпосылки, показывать его идейно-духовные источники, разоблачать его идеологию и «философию», методы духовного «сращения» людей.

В данной книге автор предпринимает попытку рассмотреть социальные предпосылки, идейные источники фашизма в широком историческом контексте, показать, какие именно реакционные, антигуманистические идеи являются духовными импульсами фашизма. В книге разоблачаются расистские мифы фашистов о мнимом превосходстве «арийской расы», призванные обосновать и оправдать ее право на мировое господство, угнетение и подавление других народов. Разоблачаются фашистские доктрины тоталитарного государства и «диктатуры фюрерства», отвергавшие «пустозвонство» демократии и пропагандировавшие государство, построенное на иерархических принципах подчинения «низших» слоев «высшим», оправдывающие жестокий террор и духовное подавление личности фашистским государством.

Особое внимание обращено на враждебность фашистов великому достоянию духовной культуры человечества, вскрывается их цинизм, заключающийся в том, что они объявляли своими предшественниками многих действительно великих мыслителей всемирной истории. На этой основе раскрывается беззастенчивая социальная демагогия фашистов, анализируются неофашистские тенденции, разоблачается идеология и «философия» неофашизма. Актуальность этому придает существование ряда современных массовых политических движений и выступлений, также имеющих тяготение к фашистским или фашизоидным идеям и методам действий.

Позорным фактом современной действительности является то, что немало западных политиков, историков и публицистов пытаются принизить величие борьбы народов против фашизма, дискредитируют Ялтинские и Потсдамские соглашения, преуменьшают роль СССР в победе над фашизмом, более того, — бросают обвинения Советскому народу — оккупант, оправдывают предателей, тех, кто с оружием в руках помогал фашистам противостоять Красной Армии, сражающейся за освобождение европейских народов от тирании фашизма.

Пытаются девальвировать победу над фашизмом советского народа и представители так называемой постсоветской псевдодемократической элиты. Они уже не считают нашу борьбу с фашизмом Великой Отечественной войной; это де только Вторая мировая война, в которой наша страна была лишь восточным фронтом. Некоторые из них оправдывают изменников типа генерала Власова и других, восхваляют их как борцов против сталинского «тоталитаризма». Находятся и те, кто сожалеет о нашей победе над фашистской Германией.

Долг перед советским народом, перед памятью тех, кто сражался и победил фашизм, требует выступить против фальсификаторов истории, еще раз вернуться к феномену фашизма, чтобы разоблачить его преступное лицо и подчеркнуть величие борьбы и победы над фашизмом нашего великого народа.

Глава 1. НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ БУРЖУАЗНЫХ ТРАКТОВОК ФАШИЗМА

Понимание сущности фашизма предполагает знание подлинных причин, его порождающих, социально-политических сил, которые направляли и направляют фашистские движения. Каковы основные факторы, породившие фашизм, кто конкретно возвращал его?

Марксисты всегда подчеркивали и подчеркивают решающую роль монополистического капитала в формировании и развитии фашизма. Либерально настроенные ученые (историки, философы, экономисты, политологи и т.д.) отвергают или не в полной мере принимают этот вывод. Так, К. Брахер, западногерманский политолог, считает «наивными» попытки трактовать фашизм как продукт «властолюбивых устремлений тяжелой промышленности», хотя и признает весьма тесную связь «третьего рейха» с концернами Тиссена и Круппа². Если фашизм — агент финансового капитала, то почему банкиры и промышленники не смогли устранить Гитлера, когда увидели, что фашизм ведет страну к тотальному поражению? — спрашивает историк из ФРГ Р. Кюнль, и приходит к выводу, что марксистская оценка сущности фашизма как террористической диктатуры наиболее реакционных кругов монополистической буржуазии односторонняя. «Я определяю фашизм как союз двух партнеров, которые взаимосвязаны и взаимодействуют, — пишет Р. Кюнль. — С одной стороны, это главная фракция промышленного и финансового капитала, а также военных, а с другой — фашистская партия, имеющая в своем распоряжении аппарат государственного террора и подавления»³. Очевидно, согласно Кюнлю, фашизм — это некая надклассовая государственная власть.

Для многих западных исследователей фашизм не был связан с социальными и классовыми силами. Они доказывают, что фашистская идеология была наиболее острой формой упадка,

деградации, в которые впадает человечество. Причем, одни ученые рассматривают эти фашистские устремления как закономерность, коренящуюся во всей западной культуре, имеющей свои истоки и в Просвещении, и в Великой Французской буржуазной революции. Так, Г. Раушнинг, один из бывших приверженцев Гитлера, порвавший с ним накануне второй мировой войны, утверждал, что Гитлер был своеобразным последователем Ж.-Ж. Руссо, и довел до логического конца идею цивилизации как результат «грехопадения человечества», тем самым поставил целью освобождение человека от ложных ценностей цивилизации, превратить его в здоровое животное, руководствующееся инстинктами. В глазах Г. Раушнинга прогресс человечества – мнимый прогресс, ибо он приводит к подрыву традиционных ценностей, норм и мировоззренческой дезориентации людей. Вызванный этим величайший кризис цивилизации неизбежно толкает человечество на путь создания авторитарного, абсолютного и тоталитарного господства⁴.

Американский исследователь фашизма Д. Вейс фактически снимает с фашизма обвинения в антигуманизме и враждебности культуре. В книге «Фашистская традиция» он утверждает, что фашизм – это якобы давняя традиция западной культуры, выступающая в виде правого радикализма⁵. Другие буржуазные теоретики, например, немецкий философ А. Вебер, историки Э. Нольте и Ф. Мейнеке, А. Виндиш, итальянский философ Б. Кроче, французский философ Ж. Фурастье и др.⁶, рассматривают фашизм в качестве отклонения от магистральной линии исторического процесса, как своего рода «наваждение», «безумие», моральную болезнь, которая внезапно завладела здоровым и крепким организмом и привела его к катастрофе.

В русле этой тенденции примечательны рассуждения А. Вебера, который осуждает фашизм, но дает ему совершенно мистическое объяснение. Согласно его схеме, история движется в противоборстве светлых и темных сил. Поскольку эти силы, по А. Веберу, являются воплощением надперсональных духовно-интеллектуальных или биологических устремлений, постольку преобладание одной из них происходит «эпидемически», благодаря вторжению объективных импульсов, исходящих извне, из непостижимого бытия как «жизни». В

доказательство А. Вебер ссылается на немецкую действительность 20–30-х годов 20 века, метаморфозы, происшедшие в эти годы со средним немцем. «То, что мы определяли как ужасные превращения характера среднего немецкого типа, который господствовал у нас в последнее время благодаря вторжению темно-демонических сил — это произошло извне, — разъясняет А. Вебер. — Бывшие рецессивными, эти подспудные силы стали доминирующими и охватили, преобразовав и жестоко исказив, большую часть немецкого народа. Мы должны защитить себя от их нового вторжения и одновременно оживить и сделать доминирующими те глубинные силы, которые уже умерли в среднем немце». Но сейчас это должно произойти не извне, а из внутреннего содержания немецкого духа, через воспитание и духовную дисциплину путем усмирения в человеке инстинктивных, темно-демонических сил⁷.

Как отмечает советский исследователь С.Ф. Одуев, «подобные концепции по их объективному смыслу, независимо от субъективных намерений их авторов, являются теоретическим основанием мистификации действительных (социально-экономических, политических и идейных) корней фашизма. Здесь нет и намек на то, что фашизм есть порождение немецкой империалистической буржуазии, что его истоки уходят в закономерные тенденции монополистического капитализма. Фашизм — это, с точки зрения А. Вебера, есть не что иное, как взрыв таинственных, необъяснимых сил человеческого бытия, во власть которых попал немецкий народ в тот драматический момент своей истории, когда вдруг нарушилось равновесие в борьбе темных и светлых сторон жизни»⁸.

Б. Кроче в книге «История Италии с 1871 по 1915 г.» оценивает фашизм как остановку в развитии Италии на пути к свободе. По его мнению, именно нравственная воля, понимаемая как сознание и воля к свободе, является пружиной исторического прогресса. Именно в свободе обнаруживает себя вечный морально-этический идеал, к которому стремится человечество. Фашизм, прервавший это движение исторического процесса по направлению к свободе, есть результат моральных заблуждений, вспышка распущенности и грубости, злополучный период безвременья, не имеющий действительной

связи с прошлым итальянской нации. Поэтому Б. Кроче после краха фашизма вполне обоснованно заявлял: «Мы точно пробуждаемся от кошмара» — и призывал годы фашистской диктатуры «заключить в скобки»⁹.

Ряд теоретиков рассматривают фашизм как один из наиболее драматических моментов «национальной жизни» конкретной страны, прежде всего Германии и Италии. Так, западногерманский историк Ф. Мейнеке, ссылаясь на участие в фашистском движении широких слоев немецкого народа, доказывает, что немцам якобы был присущ «макиавеллизм» и, что будто бы все граждане Германии были настроены в пользу установления фашистского режима¹⁰. И. Фест также ищет причины фашизма в особых качествах немцев, в их неправильном самомнении. «Немец боится анархии, — пишет он, — анархизм — это его идея-фикс. Страх перед анархией рождает культ вождя, послушания, беспрекословное подчинение сильной власти и т. д. Одним словом, фашизм — болезнь «германского духа»¹¹.

Подобным образом английский историк А. Тойнби определяет фашизм, особенно его агрессивность, как результат расистских, националистических «настроений немецкого народа», потерявшего голову после трех победоносных войн, которые он вел под руководством Пруссии. Иллюзия, что война приносит дивиденды, настолько укоренилась в умах немцев, что потребовалась не только одна ужасная война, но и вторая, еще более ужасная, чтобы их образумить¹². Американский социолог Т. Парсонс также считает, что в основе установления фашистской диктатуры в Германии лежит якобы особый «национальный дух» немцев, их «моральный и психологический склад». Поэтому главной проблемой предотвращения возможного повторения фашизма в Германии Т. Парсонс считает проблему изменения психологии и морали немецкой нации.

В сущности, рассуждения о «коллективной вине» немцев объективно направлены на сокрытие истинной причины установления фашистских режимов, продиктованной классовыми интересами господствующих в обществе империалистических сил. Антифашисты, лучшие люди Германии никогда не

уходили от морально-политической ответственности за происшедшее с Германией и в Германии. А. Абуш отмечает, что «немецкие антифашисты, как часть немецкого народа, также несут свою долю исторической ответственности за то, что такой момент наступил для немецкой нации в январе 1933 года (приход Гитлера к власти. — Б. Б.) и что Гитлер впоследствии смог беспрепятственно подготовить свой разбойничий поход против народов Европы».

Как в годы антифашистской борьбы, демократически настроенные ученые и сегодня решительно отклоняют тезис о «коллективной вине» немецкого либо другого народа. Тезис о «коллективной вине» немцев широко использовали сами фашисты. Они заведомо лгали своему народу, будто СССР и другие страны антигитлеровской коалиции отождествляют фашистскую верхушку и немецкий народ, приписывают ему коллективную национальную вину, с тем, чтобы связать всех немцев «круговой порукой», побудить их сражаться «до последнего патрона и последнего человека» во имя человеконенавистнических целей фашизма. Следует отметить, что в этом отношении гитлеровской пропаганде в немалой степени помогали заявления некоторых деятелей Англии и США, которые утверждали, что Германия должна быть превращена в «картофельное поле» и ликвидирована как государство. Нацисты немедленно воспользовались этими высказываниями и из их уст зазвучали заклинания сражаться «до последней капли крови», ибо в ином случае немецкому народу грозит истребление.

Перед своим закономерным концом гитлеровцы назойливо твердили, что их гибель — поражение всего немецкого народа, это гибель Германии. «Если война будет проиграна, — цинично говорил Гитлер, — немецкая нация должна исчезнуть. Этого хочет судьба. Бессмысленно пытаться обеспечить народ средствами к существованию, даже самыми элементарными, если в результате войны будет установлено, что наша нация слабее и будущее принадлежит нации Востока — России. Кроме того, в живых останутся только низшие существа, поскольку цвет немецкой нации погибнет»¹³.

Коммунисты, социалисты, представители других политических партий и движений, передовые деятели науки и

культуры — даже в период самого дикого разгула фашизма — решительно выступали против отождествления фашистского режима и немецкого народа.

Советский Союз ни в тяжелейшие годы войны, ни впоследствии никогда не обвинял немецкий народ в кровавых преступлениях фашизма. И.В. Сталин подчеркивал, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский остается. Никогда не ставил Советский Союз и вопроса о наказании немецкого народа, никогда не жаждал какой-либо мести населению Германии. За недостаточную бдительность, за недостаточный отпор реакционным силам, разумеется, расплачивается вся нация, весь народ. Но было бы абсолютной несправедливостью объяснять приход фашистских авантюристов к власти, их разбойничье насилие характером народа. Тем более, что дух сопротивления фашизму жил в немецком народе, на немецкой земле. Тысячи немцев вели самоотверженную борьбу против фашистских убийц во имя освобождения немецкого народа, во имя подлинного будущего Германии. Поэтому, в конечном счете, дело вовсе не в особом складе немецкого характера, не в свойствах немецкой психики, но в тех исторических условиях, в которых складывался в Германии монополистический капитализм, предопределивший приход к власти фашистов — этой, по выражению В.Рёнке, «клоаки немецкого общества»¹⁴.

Особенно много западные идеологи спекулируют по поводу мнимого мелкобуржуазного, плебейского характера фашизма, утверждают, будто фашисты не только не пользовались поддержкой крупного капитала, а пришли к власти благодаря радикализованной мелкой буржуазии, деклассированным элементам, всякого рода авантюристам и даже уголовникам. Так, один из теоретиков социал-реформизма Тальгеймер характеризовал фашизм лишь как массовое движение, рекрутирующее своих участников из всех классов общества, и прежде всего из мелкобуржуазных слоев. Р. Левенталь (Пауль Серинг) усматривает социальную базу фашизма в деклассированных элементах и особенно чиновниках, служащих и военных. Рост непродуктивных общественных сфер аппарата управления и армии, по его мнению, был тем симптомом распада,

который якобы неизбежно вел к утверждению фашистской диктатуры.

Подобной путанице в вопросе об оценках социально-классовой природы фашизма во многом способствовал тот факт, что среди участников фашистского движения, а также его лидеров действительно было немало выходцев из средних слоев и деклассированных элементов. Многие западные теоретики поэтому и толковали фашизм либо как революцию, либо как контрреволюцию (в зависимости от своей политической позиции) средних классов, направленную как против капитализма, так и против рабочего движения. Причем, приписывая фашизму мнимый мелкобуржуазный характер, многие авторы зачастую характеризовали и характеризуют его в терминах социальной психологии и даже психиатрии.

В значительной части их теоретической базой является концепция З. Фрейда. Как известно, по мнению австрийского психиатра, существование человека и всего человеческого рода определяется двумя инстинктами: инстинктом жизни (эрос) и инстинктом смерти (танатос). Последний выражается в бессознательном стремлении людей к состоянию неживой материи. Ему противостоит инстинкт жизни, который трансформирует стремление к самоуничтожению в агрессивность, направленную против «других». Склонность к самоуничтожению свойственна не только отдельным индивидам, но целым нациям, поэтому любые проявления межнациональной враждебности, в том числе войны, З. Фрейд рассматривал как способ самосохранения нации, преобразующий внутренние, разрушительные тенденции в обществе во внешнюю агрессивность¹⁵. Не случайно В. Рейх, базируясь на фрейдистских идеях, рассматривал фашизм исключительно как следствие подавления обществом изначально присущих человеку сексуальных инстинктов. Так, в книгах «Сексуальная революция», «Массовая психология фашизма» и других автор утверждает, что массовая фашизация – прежде всего результат «общественного регулирования половой жизни людей», ответ на подавление обществом, общественной моралью первичных инстинктов людей, их сексуальности, их «свободной игровой потенции» и т. д.¹⁶

Наряду с этим В. Рейх связывает происхождение фашизма с возникновением «ножниц» между развитием экономического базиса, которое направлено влево (т. е. в сторону развития производительных сил, индустриализации и концентрации производства), и развитием идеологии широких масс, которое идет вправо. Свой «вывод» Рейх сделал под впечатлением рассуждений одного из сподвижников Гитлера (еще до захвата власти) О. Штрассера. Последний, ссылаясь на политику социал-демократии в 1914 и в 1918 гг., утверждал, что массы в период мирового кризиса, вопреки якобы надеждам марксистов, вместо того, чтобы повернуть влево, качнулись вправо. Таким образом, утверждал Штрассер, основная ошибка марксистов была в том, что они чрезмерно переоценили экономику и недооценили душу и дух, не поняли, что именно они движут всем¹⁷.

По мнению В. Рейха, тезис О. Штрассера имел под собой известные основания, поскольку марксисты схематично и односторонне ставят идеологию в прямую зависимость от экономики и упускают из своего поля зрения обратное воздействие идеологии, социальной психологии на экономику, не учитывают отставания субъективного фактора от объективных условий человеческого существования. Тем самым марксисты сами закрывают себе путь к выяснению причин того, почему целые социальные слои принимают идеологию, которая, по существу, враждебна их жизненным интересам. Именно этой ошибкой и воспользовались фашисты, чтобы отвоевать средние слои у коммунистов, считал В. Рейх.

Конечно, в силу ряда причин довольно широкие слои трудящихся, прежде всего мелкобуржуазного происхождения, могут оказаться в тот или иной период в плену отсталых и даже реакционных взглядов.

Так произошло и в случае с фашизмом, когда немало трудящихся в Германии и Италии оказались захваченными, реакционной фашистской идеологией. Все это бесспорно. Но какие выводы из всего этого делает В. Рейх? Автор всю ответственность за фашизм возлагает на импульсы, связанные с половым влечением. В. Рейх рассуждает следующим образом: буржуазные нравственные и религиозные нормы, традиции буржуазной и мелкобуржуазной семьи подавляют сексуаль-

ные влечения людей, создают подсознательную самоцензуру, препятствующую в конечном счете развитию протеста, к которому массы объективно толкает капиталистическая эксплуатация. Именно ограничение сексуальных устремлений буржуазной моралью еще с детства, по его мнению, делают человека боязливым, неуравновешенным, а в бюргерском смысле этих слов — порядочным и воспитанным существом. Именно такой тип человека, по В. Рейху, является наиболее приверженным фашизму и фашистской идеологии.

Примечательно, что Рейх из раскрепощения половых влечений выводит и пролетарскую революцию, т. е. из одной и той же «причины» выводит два противоположных следствия: и фашизм, и пролетарскую революцию, — а это полностью опровергает исходный тезис.

Т. Адорно, Э. Фромм, Г. Маркузе и другие приверженцы психоанализа также пытаются объяснить фашизм как реакцию на психологические стрессы в условиях современного капитализма. По Э. Фромму, возникновение фашизма связано с «уникальным садомазохизмом» масс, по Г. Маркузе — с «десублимацией агрессивных влечений, таящихся в подсознании человека», и особенно с «политической мобилизацией несчастья» — неустроенности, неуверенности, неудовлетворенности и т. п., которые присущи «одномерному» человеку, живущему в современном индустриальном обществе¹⁸.

К таким же, по сути, выводам пришел западногерманский теоретик З. Кайль. По его мнению, неизрасходованная сексуальная энергия, прорываясь в виде разрушительной силы, становится источником войн, революций, контрреволюций, всякого рода других социальных потрясений¹⁹. В том же духе известный американский публицист и историк Х. Болдуин в книге «Критические годы: 1939–1941» пишет: «Как всегда было в прошлом, человек и его необузданные страсти стали причиной второй мировой войны: а именно — стремление отдельных лиц обладать все большей и большей властью, стремление народов к победам и созданию империй»²⁰.

Подобные психологические, психоаналитические характеристики поведения народов, в конечном счете, являются субъективистскими и поэтому поверхностными. Более того,

они сознательно используются в целях клеветы на массы. Так, Е. Шварц рассматривает фашизм как порождение массового народного движения, как взрыв «низменных инстинктов» толпы, как выражение чувства мести «маленьких людей», дорвавшихся до власти. Он выводит идейные предпосылки фашизма из националистических и социалистических устремлений, якобы в равной мере характерных для масс.

Так, социализм, особенно в его марксистской форме, утверждал Е. Шварц, стал религией, опиумом для рабочего класса, который жадно ухватился за это учение, обещающее ему привилегированное положение в будущем социалистическом обществе. Что касается национализма, то он, по утверждению Шварца, имеет еще более широкую базу: он захватывает все низшие общественные слои, побуждая их к насильственным действиям во имя превосходства одной нации над другой. В XX в. национализм и социализм, наконец, встретились и соединились в национал-социализме, якобы ставшем негативной идеологией социальных низов. Таков «вывод» Е. Шварца²¹.

Уже упоминавшийся историк Э. Нольте также доказывает, что фашизм имел некую «народную» природу; он также пытается отождествить фашизм с большевизмом, рассматривая их в качестве двух крайностей (правой и левой), двух форм контрреволюционной реакции масс на буржуазную демократию, на господство капитализма²².

Ряд западных авторов (П. Друкер, Ж. Фурастье, Р. Дарендорф и др.) утверждают, что фашизм возник как ответ недостаточно развитого общества на индустриализацию общества, на развертывание технологической революции, на бурный технический прогресс, к которым массы якобы не в состоянии сразу приспособиться²³.

Крайним выражением этой точки зрения является тезис, будто фашизм есть триумф нового варварства масс, обусловленного крушением классового общества, к которому-де привела, прежде всего, эпоха французской революции, индустриализации, урбанизации и т. п. Масса, захватившая авансцену политической жизни общества, отвергает прогресс, культуру, подавляет гуманистически воспитанную элиту. В

результате всего этого якобы и утверждается фашизм²⁴. В этом же, по сути, духе рассуждает и западногерманский историк Г. Франц-Виллинг. Он, в частности, пишет: «Век мировых войн и мировых революций – это век масс. Вследствие изменившегося в результате промышленной революции и все еще изменяющегося образа жизни и вследствие тесно связанного с промышленной революцией скачкообразного прироста населения массы играют постоянно возрастающую роль... Век масс есть век безбожия, идеологий и больших сильных личностей, в которых олицетворяется воля масс к власти... Массы хотят не думать, а верить, не рассуждать, а повиноваться. Господство масс осуществляется в господстве личностей». И дальше, исходя из этого, автор рассматривает фашизм как «современное массовое движение», теснейшим образом связанное с Гитлером, который «был вызван, создан, сформирован массами» и является их выразителем²⁵.

Е. Райхман, западногерманская исследовательница фашизма, в своей книге «Бегство в ненависть» также доказывает, что фашизм был-де выражением стихийных желаний масс, что фашистская идеология была будто бы суммой не связанных друг с другом, независимых друг от друга идеологических элементов, каждому из которых была придана совершенно особая форма осуществления желаний масс. Она подчеркивает, что массы приносили в фашизм и фашистскую идеологию всего лишь свои психологические потребности. Массам не требовался антисемитизм, но они стремились ненавидеть; они не требовали расовой теории, но они хотели испытывать чувство превосходства. Им не нужна была легенда о «пятой колонне», но они хотели сложить с себя чувство вины за проигранную войну. Принцип фюрерства не был их требованием, но они всегда были склонны скорее подчиняться, чем самостоятельно принимать решения²⁶.

В буржуазной историографии широкое распространение имеют также теории и взгляды, которые произвольно сводят фашизм исключительно к личности Гитлера. Одним из первых, кто выступил с обоснованием легенды «Гитлер – демоническая личность», был Ф. Мейнеке. В своей книге «Немецкая катастрофа» он, стремясь завуалировать в сознании

немецкого народа классовый характер фашизма, субъективистски свел всю его проблему к «демонической» личности Гитлера, к таким его мекфистофелевским чертам, как одержимость, мономания, инфантилизм, медиумизм и т. д. и т. п., благодаря которым он-де гипнотизировал массы и увлек Германию на путь катастрофы, в пропасть.

Подобную позицию занимает Л. Мэмфорд, который также уходит от точного социально-исторического анализа генезиса и сущности фашизма, обнаруживая его корни исключительно в задатках личности Гитлера. Л. Мэмфорд оценивает Гитлера лишь как сумасшедшего или невротика, его последователей рассматривает только как душевнобольных и неуравновешенных людей. Так, он пишет: «Фашизм объясняют чрезмерная гордость, наслаждение свирепостью, невротическая дезинтеграция...»²⁷.

Разумеется, во всех этих суждениях содержится момент относительной истины. Гитлеру, его личности, вероятно, были свойственны такие черты, как ненависть к жизни, жажда разрушения, соединенная с нарциссизмом, т.е. особой влюбленностью в самого себя, ненавистью и завистью ко всем. Очевидно, ему был присущ и некоторый «демонизм», способность оказывать воздействие как на отдельных личностей, так и на большие массы людей. Так, Геббельс, который сам был «незаурядной» личностью, еще в 1922 г., задолго до того, когда начала работать пропагандистская машина по формированию культа личности фюрера, признавался в личном письме Гитлеру: «Подобно восходящей звезде Вы предстали перед нами; Вы свершили чудо, прочистив наши мозги и дав нам веру, нам, — блуждавшим в мире отчаяния и скепсиса. Преисполненный веры и уверенности в будущем, Вы возвышались над массами и продемонстрировали им свою безграничную любовь ко всем тем, кто верит в новый рейх. Впервые мы увидели человека, сорвавшего маски с лиц, искаженных жаждой наживы, — с лиц всех этих парламентских ничтожеств...

Вы выразили больше, чем вашу собственную боль... Вы высказали потребность целого поколения, блуждавшего в поисках цели в мире утраченных идеалов. Сказанное Вами — катехизис новой политической веры, рожденной чувством

отчаяния в поверженном, обезбоженном мире... Настанет день, когда Германия возблагодарит Вас...»²⁸

В. Пруссаков цитирует некоторых специалистов по оккультным «наукам», в частности, Павелса и А. Буллока, которые отмечали, что Гитлер обладал чувствительностью медиума и магнетизмом гипнотизера, и его власть «завладеть» аудиторией напоминала об оккультном искусстве азиатских шаманов и т. д. и т. п.

И все же такой субъективистский, индивидуалистическо-психологический подход к оценке фашизма несостоятелен, в целом ненаучен. За ним объективно скрывается попытка преуменьшить вину империалистических сил за бесчеловечные преступления фашизма, свалить всю вину исключительно на одного Гитлера. Он, только он один, повинен во всем случившемся, являясь той самой «гримасой истории», которая может застать врасплох любой народ... Безусловно, Гитлер – преступник номер 1²⁹. Но за ним стояли, его поддерживали финансовая олигархия, монополистический капитал. Фашизм был порождением империалистической буржуазии, стремившейся, с одной стороны, к подавлению революционного движения, а с другой – к агрессивным, захватническим войнам. Гитлера подталкивали, за ним шли отнюдь не в силу «наваждения», «помрачения ума», а руководствуясь соображениями корысти и карьеры.

В. Пруссаков определенно указывает на зависимость влияния фашизма от социально-экономических условий. По его мнению, для Гитлера и нацизма экономическая стабильность и довольство масс не сулят ничего хорошего. Неслучайно в середине 20-х гг., когда экономическое положение Германии, да и всего западного мира, улучшилось, для Гитлера и его партии наступили тяжелые времена. В конце 1925 года в нацистской партии числилось только 27 тысяч человек. В 1929г. великая депрессия, тяжелый экономический кризис, вызвавший отчаяние, голод, безработицу миллионов масс, предоставили Гитлеру новый шанс. Миллионы отчаявшихся, озлобленных людей поверили ему. В 1930 г. на выборах в рейхстаг за нацистов проголосовало 6,5 млн человек. Если раньше они занимали в рейхстаге только 12 мест, то теперь число их

депутатов достигло 107. Фашисты стали одной из крупнейших партий Германии.

И. Фест также связывает «феномен Гитлера» с политической и духовной ситуацией в Германии того времени: «Дух безнадежности царил над всем. Прокатилась беспрецедентная волна самоубийств. И как всегда в подобные моменты истории, у людей проявилась иррациональная страсть к полной переделке мира. Шарлатаны, астрологи, ясновидящие и всякие медиумы процветали вовсю (как у нас сегодня. — *Б. Б.*). В период всеобщего бедствия они вызывали псевдорелигиозные чувства, придавали жизни утраченные смысл и значение. Обладая исключительной интуицией, Гитлер лучше других политических деятелей уловил подсознательные стремления масс... У его противников... не хватало веры в будущее. Гитлер же, наоборот, оказался оптимистичным, напористым и необычайно уверенным».

Э. Фромм также подчеркивает, что Гитлер был сформирован обстоятельствами. В молодые годы, до первой мировой войны, ему постоянно сопутствовало ощущение поражения и униженности. Его мечта стать большим художником разбилась: у него не было ни таланта, ни образования. Однако война «помогла ему». Он не был больше отверженным, сражался за Германию, за ее славу и ценности.

Неудивительно, что поражение Гитлер воспринял как личную, собственную неудачу. Начавшаяся в ноябре 1918 года революция особенно придала его деструктивности окончательную и бесповоротную форму. Революционные события посягали на Германию, на все тщеславные мечты будущего фюрера. Его особенно оскорбляло и унижало то, что среди участников революционных событий было немало евреев, которых он давно считал своими заклятыми врагами и которые теперь вынуждали его наблюдать за крушением его националистических идеалов.

«От ощущения столь страшного унижения можно было избавиться лишь путем физического уничтожения всех тех, кого он считал виноватыми»: революционеров, евреев, Англию и Францию, заставивших Германию подписать унижительный Версальский договор», — подчеркивает Э. Фромм. И далее: «Эти

его фантастические устремления и его дар убеждать неожиданно соединились с социальной и политической реальностью. Он стал агентом реакционного крыла армейского командования, который должен был не только шпионить за солдатами, но и вести среди них пропаганду милитаристских идей. Так, начав с малого, Гитлер постепенно стал монополистом в торговле товаром, который пользовался огромным спросом у разочарованных и смятенных «маленьких людей» и в реализации которого были кровно заинтересованы сначала армия, а затем и другие влиятельные группы, — таким товаром были идеи национализма, антикоммунизма и милитаризма. Когда он доказал на этом поприще свою самостоятельность, немецкие банкиры и промышленники оказали ему финансовую поддержку настолько щедрую, что он получил возможность захватить власть»³⁰.

Попытки внутренние проблемы фашизма свести к «сильной» личности Гитлера имеют следующий важный подтекст: возбудить надежду, особенно в молодом поколении, что все сегодняшние трудности и проблемы можно решить, ибо для этого только нужна сильная личность. Западногерманский коммунист Курт Бахман пишет в своей книге «Кем был Гитлер и действительности?»: «Замысел очевиден: вызвать ассоциацию, что модель не списана со счета, что она может оказаться пригодной когда-то в будущем. Реакционным силам весьма по душе, если вновь прозвучит призыв выдвинуть «сильную личность», которая, быть может, все-таки сотворит чудо и «исправит» создавшуюся после войны ситуацию и существующие границы»³¹.

Разоблачая подобные трактовки происхождения и сущности фашизма, К. Бахман подчеркивает: их главная задача состоит в том, чтобы «замаскировать причинные связи между Гитлером и буржуазией, между фашизмом и империализмом. Господствующая точка зрения в буржуазном историографии исходит из того, чтобы представить фашизм в лице Гитлера как продукт исторической случайности, а фашизм выдать за его творение. Историю отождествляют с «великой» личностью. При этом фальсифицируют объективные условия и исторические связи, внутренние отношения между монополиями

и фашистской партией. Массовый террор против революционного рабочего движения и антифашистского Сопротивления преуменьшается или замалчивается. Гитлер, если не считать «ошибок» в «европейском вопросе», предстает как вполне приемлемая фигура»³².

Разумеется, подобные «теории» не соответствуют научной истине, противоречат правде истории. Если, например, допускается, что во всем виноват исключительно Гитлер, то почему после его смерти фашизм не исчез, почему он существует и сегодня? Как вообще получилось, что фашистские движения в 20-х годах XX в. возникли во многих капиталистических странах? Почему руководители крупнейших промышленных и финансовых монополий и при фашизме оставались хозяевами положения, а руководители рабочего движения либо оказались в тюрьмах, либо были зверски убиты? На все эти вопросы либеральные и правые теоретики не дают ответа.

Только рассматривая фашизм в контексте исторического развития, со всей определенностью связывая его происхождение прежде всего с политикой империалистских кругов, можно осознать меру возрастания его угрозы. Именно прежде всего эти круги прибегают к методам политической реакции и террора, что в конечном счете порождает фашистские устремления³³.

Особое, специфическое выражение фашизм нашел в фашистских диктатурах в Германии и Италии. Почему? Почему фашизм, существовавший во многих главных капиталистических странах, тем не менее, победил и установил свою террористическую диктатуру, в первую очередь, именно в этих странах? Во многом это объясняется историческими особенностями их развития, а также сложившимся соотношением классовых сил между буржуазией и трудящимися. Как известно, Германия и Италия запоздали в своем социально-экономическом развитии по сравнению, например, с Англией и Францией. Это привело к тому, что как германские, так и итальянские правящие круги вынуждены были разделить власть с консервативными, реакционными элементами феодальной аристократии.

Это обусловило, во-первых, особую реакционность и вместе с тем агрессивность правящих классов Германии и Италии.

Во-вторых, первая мировая война не только не привела к реализации агрессивных замыслов германских монополий, но, напротив, нанесла монополистической буржуазии большой урон. Итальянская буржуазия, хотя Италия и выступала на стороне победившей Антанты, также не только не выиграла от войны, но и понесла значительные потери.

В этих условиях в Германии и Италии, раздираемых острыми классовыми противоречиями, создалась революционная обстановка. Однако Ноябрьская (1918 г.) революция рабочих и солдат в Германии, преданная правым руководством социал-демократической партии, была жестоко подавлена объединенными силами империалистической буржуазии и юнкерства. Среди откровенных саботажников ноябрьской революции особенно выделялся один из лидеров социал-демократии — Носке. «Жуткая фигура», — так позднее охарактеризовал его С. Хаффнер, видный западногерманский журналист.

Подобным образом развивалась ситуация и в Италии. Однако и здесь из-за пассивности социал-демократического руководства пролетарская революция была сорвана. В последующий период крупные монополии в союзе с военщиной и монархией организовали контрреволюционное фашистское движение³⁴, которое, прикрываясь радикальными лозунгами, нанесло бандитский удар по рабочим и другим демократическим организациям. В итоге в Италии была установлена фашистская диктатура³⁵. Позднее, в 1933 г., с целью предотвращения революционных выступлений рабочего класса фашистскую диктатуру установила империалистическая буржуазия Германии.

Конечно, фашизм проявляет себя в разных формах. В Италии и Германии фашисты, будучи ставленниками крупной монополистической буржуазии, сумели создать относительно широкую социальную базу, организовать крупные фашистские политические партии. В других странах — Болгарии, Венгрии, Греции, Испании — они, захватив власть при помощи военщины и реакционных политических кругов, только в последующем на основе демагогии и насилия привлекли наиболее отсталые в политическом отношении массы.

Если в одних фашистских странах были немедленно ликвидированы представительные учреждения, парламент и т. п., запрещена деятельность политических партий (Германия, Италия, Греция, например), в других (например, в Венгрии, Румынии) сохранились формы парламентаризма (естественно, они были наполнены откровенно фашистским содержанием; видимость политической деятельности (наряду с фашистской продолжали функционировать «оппозиционные» партии).

Во многом это обусловлено сложностью и пестротой социальной структуры, общей политической неустойчивостью политического климата в отдельных странах, порождавших множество конкурирующих между собой фашистских группировок, ориентирующихся на ту или иную империалистическую державу. По этой причине фашизм в этих странах не мог пойти на полную ликвидацию буржуазно-парламентской формы правления и допускал существование «оппозиционных» партий. Не случайно Г. Димитров на VII конгрессе Коминтерна отметил: «В одних странах, преимущественно там, где у фашизма нет широкой массовой базы и где борьба отдельных группировок в лагере самой фашистской буржуазии достаточно сильна, фашизм не сразу решается ликвидировать парламент и сохраняет за другими буржуазными партиями, а также за социал-демократией известную легальность»³⁶. Точно также, если, например, в Германии фашисты находились в оппозиции к господствующей религии, то, в частности, в Италии и Испании они вынуждены были искать контакты с католической церковью и монархией.

В любом случае научные исследования должны учитывать национальную специфику фашизма. Как подчеркивает видный советский ученый А.А. Галкин, «даже обе «классические» формы фашизма заметно отличались друг от друга. Степень поглощения гражданского общества фашистским государством в Германии была значительно выше, чем в Италии. Существенно большей, чем в Италии, была концентрация власти. Фашистский террор в «третьей империи» был более массовым и жестоким. В идеологии итальянского фашизма расовые теории занимали гораздо меньшее место, чем у национал-социалистов. Соответственно по-иному использовалась расовая политика»³⁷.

Г.С. Филатов, исследуя природу и сущность фашизма также отмечает его национальную специфику: «Как правило, лозунги итальянских фашистов носили более претенциозный характер, а результаты их реализации оказались гораздо более ограниченными, чем у немецких коллег. В области внутренней политики это наблюдалось, прежде всего, при попытках решать социальный вопрос путем построения «корпоративного государства» и осуществления крайних форм политики экономической автаркии. Существенными были различия и в степени воздействия на жизнь страны. Несмотря на все старания Муссолини стать единоличным и полновластным правителем Италии, в стране сохранилась монархия, и юридически главой государства оставался король. Значительное влияние на настроение католических масс оказывал Ватикан... Все это, безусловно, несколько ограничивало фашистскую диктатуру. Однако главная причина отсутствия внутренней стабильности итальянского фашизма заключалась в том, что ему никогда не удавалось полностью подчинить своей воле народные массы, подавить сопротивление и привить итальянцам «железную дисциплину»³⁸.

Разумеется, и в наши дни необходимо учитывать национальную специфику фашизма, как необходимо учитывать то, что в современных условиях фашизм выступает в подновленном виде, во всяком случае, между неофашизмом и классическим фашизмом, безусловно, имеются различия. Однако, по своей классовой сути, главным направлениям, целям и применяемым средствам фашизм и неофашизм – близнецы, рождаемые и вскармливаемые наиболее реакционными, шовинистическими кругами империализма.

Конечно, мир меняется. Сегодня ситуация в мире иная, нежели в 30-40-е, 60-70-е годы XX столетия. После развала СССР у империалистических кругов нет резона демагогически твердить в духе Гитлера о советской, красной угрозе. Они добиваются своих целей без подобной дымовой завесы, хотя, разумеется, страну, народ, которые они хотят «наказать», обвиняют в агрессивности, в нарушении прав человека, в насилии по отношению к тем или иным этническим группам и т. д. и т. п. (Правда, сегодня в свете событий на Украине

империалистические круги вновь используют лозунг «угрозы с Востока», обвиняют Россию в мнимых агрессивных устремлениях).

И во внутренней политике империалисты отнюдь не стали более миролюбивыми: продолжают наступление на демократические права и свободы. Другое дело, что сегодня им, их господству никто и ничто пока не угрожает. Поэтому им можно господствовать, не прибегая к открытому террору, добиваться своих агрессивных целей, господствовать с вежливым выражением лица и в лайковых перчатках. До поры до времени, разумеется.

Во всяком случае, фашизм не умер. Пока существует империализм и его приспешники на периферии мировой системы, в зависимых от империализма странах, мир от фашизма не застрахован. После разгрома «классического» фашизма в 1945 году народы ликовали: никогда больше не будет войны, не будет фашизма. Но уже спустя 20 лет объявились «черные полковники» в Греции, Пиночет в Чили и т. д. Уже спустя 20 лет после разгрома германского фашизма, самого страшного и самого жестокого, в ряде стран разгоняли парламенты, убивали демократов. Подобное продолжается и сегодня.

Ситуация в современном мире остается чрезвычайно опасной. В руках империалистических политиков, бесчестных и жестоких властителей находится страшное оружие массового уничтожения людей. Сегодня достаточно несколько минут, чтобы уничтожить все человечество, все достижения цивилизации, все плоды труда и гения людей. Именно поэтому честные люди, все миролюбивые народы, дорого заплатившие за сохранение своей независимости и мир, не должны забывать уроки истории. Политика империалистических кругов – враждебна демократии, враждебна установлению мира и прогресса. Сегодня кризис: экономический, политический и духовный. Это усиливает его агрессивность, устремленность к использованию крайних, террористических, фашистских методов удержания своей власти. Именно поэтому, несмотря на то, что прежние фашистские империи мертвы, идеи, из-за которых они погибли, «продолжают действовать... Они смердят, издавая трупный запах»³⁹, – пишет С. Хаффнер.

Вот почему встревоженные память и совесть человечества вновь и вновь должны обращаться к урокам страшных лет фашизма, которые помогают уяснить, кто и что является главной движущей силой фашизма, при каких обстоятельствах и в каких исторических условиях возникают фашистские движения, в чем суть и характер фашистских режимов, какие социальные силы противостоят им и как следует бороться с фашистской опасностью.

Глава 2. ФАШИЗМ – ПОРОЖДЕНИЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ СТАДИИ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА

§ 1. Фашизм и монополистический капитализм

Империалистическая реакция усиливается при политических порядках, начиная с самодержавной монархии и кончая буржуазно-демократической республикой, хотя, разумеется, в странах политически отсталых тенденция к реакции «по всей линии» более сильна, чем в странах с укоренившимися демократическими тенденциями. Так, во Франции воздействие реакционных тенденций сковывалось довольно высоким уровнем развития демократии, достигнутым в значительной степени вопреки самой буржуазии. Благодаря борьбе пролетариата, демократически настроенных представителей буржуазии в итоге четырех революций французская буржуазия, «вся была переделана в республиканскую, перевоспитана, переобучена, перерождена»⁴⁰.

Конечно, это отнюдь не означает, что Франция была застрахована от фашизма. Фашизм был возвращен империалистическими кругами и во Франции, хотя в силу многих причин (на которых мы далее остановимся) окончательно победить в этой стране он не был способен, как не смог победить и в Англии, в которой демократические традиции также были глубоко укоренены. Фашизм одержал победу в странах, которые позднее других преодолели феодальную раздробленность, в которых капиталистические отношения возникли позже и развивались медленнее, чем, в частности, в Англии и во Франции.

Возьмем для примера Германию, «классическую» страну фашизма. Для ее истории важное значение имело то, что она вплоть до второй половины XIX в. состояла из множества самостоятельных феодальных государств. Вследствие этого общественные отношения в Германии и развивались медлен-

нее, чем в других странах Европы. В результате экономической отсталости и политической слабости немецкая буржуазия в течение длительного времени находилась в подчинении феодально-абсолютистской монархии⁴¹. К тому же, когда немецкая буржуазия в середине XIX в. стала наконец достаточно сильной, чтобы добиться власти, на арену социальной жизни вышел ее антипод – пролетариат.

В конечном счете именно страх перед рабочим классом привел к тому, что в Германии буржуазия отказалась решать вопрос о власти революционным путем (в отличие от французской буржуазии, которая осуществила в 1789 г. победоносную революцию) и вместо этого пошла на компромисс, на раздел власти с темными силами прошлого, с монархией, с прусским офицерством и юнкерами. Поскольку историческая необходимость объединения германских государств была осуществлена сверху, «железом и кровью», поскольку империя была делом рук прусской военщины, прусской реакции, возглавляемой Бисмарком, поскольку «Германия первоначально обретает свое единство в прусской казарме...», постольку в ней надолго остались законсервированными многочисленные реакционные, полуфеодальные пережитки.

Антидемократический и милитаристский дух прусского юнкерства наложил зловещий отпечаток на все внутри- и внешнеполитическое развитие страны. Выросшая под опекой юнкерской аристократии, буржуазия, захватывая в экономике одну позицию за другой, отнюдь не вторгалась в прерогативы своего союзника и покровителя в сфере государственного управления и внешней политики. Она крепко держалась за своего повелителя, видя в реакционном прусском дворянстве надежную защиту от рабочего класса, ту силу, которая обеспечит ей благоприятные условия для наживы внутри страны, а также достижение агрессивных империалистических целей. Немалую роль играли также надежды германской буржуазии на пресловутые военные таланты прусских милитаристов, которым предстояло возглавить германскую армию на полях сражений будущих империалистических войн. По всем этим причинам Германия, Германская империя, созданная «железом и кровью», превратилась в полицейско-бюрократическое государство.

Тот факт, что немецкая буржуазия в историческом смысле «запоздала» в борьбе за утверждение своей политической власти, оказал огромное воздействие на специфику перехода Германии от капитализма свободной конкуренции к монополистическому капитализму. И здесь, немецкая буржуазия также «запоздала». Именно поэтому она чувствовала себя «ущемленной», «обойденной» империалистической буржуазией других стран, которые значительно опередили Германию при захвате колоний, источников сырья, рынков сбыта и сфер приложения капитала. Все это привело к тому, что германский империализм стал крайне агрессивным; его ведущие представители привыкли «делать ставку на силу меча», открыто требовали для Германии «места под солнцем», откровенно выступали за передел мира, за захват колоний, провозглашали военную мощь главным фактором реализации своих экспансионистских целей.

Вместе с тем историческое «опоздание» германского империализма дало немецкой буржуазии определенный шанс: предопределило тот факт, что на рубеже XIX и XX вв. процесс концентрации производства и капиталов в Германии шел гораздо быстрее, чем в других странах. Быстрое развитие германского монополистического капитализма объяснялось многими причинами. Прежде всего германские капиталисты могли широко использовать и использовали отечественные и заимствованные в других странах новейшие достижения научно-технического прогресса, что стимулировало особенно быстрое развитие таких передовых отраслей промышленности, как машиностроение, электротехническая, химическая, судостроительная и т.п. Существенное значение имело также и то, что германские капиталы в большей степени, чем, например, английские и французские, вкладывались в национальную экономику, поскольку Германия имела сравнительно мало колоний. Это способствовало интенсивности развития отечественного производства. Ускоренному развитию монополистического капитализма в Германии способствовало также ограбление Франции в результате ее поражения в ходе франко-прусской войны в 1870–1871 гг.: захват лотарингских рудников, 5 млрд. франков французской военной контрибуции. Важную роль для экономического роста страны играла

и милитаризация промышленности, увеличение военных заказов, обусловленных подготовкой германского империализма к войне за передел мира.

Концентрация промышленности и капиталов вела к образованию крупнейших монополий и картелей, могущественных финансовых объединений. Например, стальной и чугунной картели перед началом первой мировой войны контролировали в соответствующих отраслях до 98% производства, 9 берлинских банков (среди них крупнейшие «Немецкий банк» и «Учетное общество») сосредотачивали половину всех вкладов в стране⁴². Со всей определенностью можно констатировать, что уже в начале XX в. в Германии сложилась финансовая олигархия; крупнейшие монополистические объединения, возглавляемые такими промышленными и финансовыми магнатами, как Кирдорф, Штумм, Г. Крупп, А. Тиссен, братья Маннесман, Т. Стиннес и др., контролировали почти всю промышленность и финансы страны⁴³.

Быстрый процесс концентрации производства и капиталов шел и в сельском хозяйстве Германии. Этот процесс развивался здесь специфическим, «прусским» путем, мучительным для мелкого крестьянства, вытеснявшегося крупным помещичьим землевладением⁴⁴. Так, к концу XIX в. в Германии насчитывалось около 3 млн мелких хозяйств, земельные участки которых не превышали 2 га; причем они составляли свыше половины общего числа хозяйств страны. Наряду с этим в Германии юнкерские хозяйства (превышающие 100 га) занимали более половины всех сельскохозяйственных угодий, а в восточной Пруссии — более трети. В целом по стране помещики, на долю которых приходилось в 1907 г. 5% всех имевшихся в Германии хозяйств, сконцентрировали в своих руках более половины обрабатываемых земель. Важно учесть, что крупные аграрии и финансовые магнаты активно взаимодействовали; помещики участвовали в деятельности банков, картелей и синдикатов, в свою очередь монополисты (Кирдорф, Тиссен, Крупп), приобретая поместья, становились земельными собственниками⁴⁵.

Таким образом, примечательной чертой развития Германии на рубеже XIX и XX вв. явился ускоренный рост монополистического капитализма в сочетании с консервацией

феодалных пережитков и неприкосновенностью позиций юнкерства. Во всяком случае перед первой мировой войной среди крупнейших богачей Германии, имевших имущество стоимостью свыше 5 млн марок каждый, 43% составляли дворяне. Представители дворянства контролировали военно-бюрократический аппарат управления, занимали высшие административные посты, а также офицерские должности в армии и во флоте; большая часть дипломатов также были дворяне. Могущество юнкерства, сросшегося с монополиями, значительно усугубляло реакционность и агрессивность германского, «юнкерско-буржуазного» империализма.

Тотальная подготовка к империалистическим войнам значительно ускорила развитие в Германии государственно-монополистического капитализма. Конечно, элементы государственно-монополистического капитализма начали формироваться еще задолго до первой мировой войны. В частности, государство играло важную роль в формировании самого капиталистического способа производства. Государственная власть использовалась для того, чтобы ускорить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить тем самым его переходные стадии.

По мере развития капиталистических производственных отношений, по мере превращения Германии в крупную капиталистическую державу во все возрастающей степени развивается противоречие между экономической мощью нарождающегося германского империализма и относительно узкой сферой его влияния. Это также побуждало германских монополистов и юнкеров все шире использовать государственный аппарат в своих экономических и политических целях.

В начале XX в. государству в Германии уже принадлежали железные дороги, 40% угольных запасов страны. Большое значение имели правительственные заказы монополиям на поставки вооружения, и особенно, на строительство флота. Уже в то время «личная уния» банков с промышленностью широко дополняется «личной унией» тех и других с правительством.

И разумеется, первая мировая война 1914–1918 гг. решающим образом стимулировала в Германии государственно-монополистический капитализм. Германия вступила в войну

в расчете на молниеносную победу; она была с точки зрения экономических условий не готова к длительному ведению войны. Поскольку война затягивалась и требовала максимального напряжения экономики, мобилизации всех экономических ресурсов, а также, поскольку Германия в результате блокады была изолирована почти от всех внешних рынков, постольку для германского империализма широкое государственно-монополистическое регулирование стало насущной, объективной потребностью. Монополии и финансовая олигархия первыми внесли «начало огосударствления капиталистического производства, соединения гигантской силы капитализма с гигантской силой государства в один механизм, ставящий десятки миллионов людей в одну организацию государственного капитализма»⁴⁶. Германией управляли крупнейшие магнаты капитала, бесцеремонно использовавшие в своих целях государственный аппарат.

Бесспорно, это была общая объективная закономерность. Процесс концентрации производства и капитала во всех развитых странах вел к формированию могущественных финансово-промышленных олигархий. Но первенство, повторяем, в развитии этого процесса было за Германией. Среди этих представителей олигархии были уже перечисленные выше Э. Кирддорф, Г. Рёхлинг, П. Рейне, Г. Крупн и др., которые впоследствии сыграли решающую роль в приходе фашистов к власти и стали затем главными действующими лицами в экономике «третьего рейха».

Схожие процессы имели место и в Италии. В сущности, между историческими судьбами Германии и Италии можно провести определенную параллель: в обеих странах национальное воссоединение было осуществлено «сверху» (правда, в Италии оно было связано с революционной борьбой широких народных масс). Тем не менее буржуазная революция в Италии не была завершена⁴⁷.

Над страной по-прежнему висел груз феодальных пережитков. Социальные противоречия были чрезвычайно остры, господствующие классы — реакционны, либеральные институты — немощны. Точно так же, как и в Германии, в Италии на рубеже XIX и XX вв. быстрыми темпами началось перерастание

свободного капитализма в империализм. Правительство взяло в свои руки производство табака, добычу соли, эксплуатацию железных дорог страны. Возникла итальянская национальная металлургия. Крупные субсидии и выгодные заказы от правительства получали судостроительные и навигационные компании, а также многие другие отрасли итальянской экономики. Именно поэтому П. Тольятти отмечал, что хотя итальянский империализм «можно отнести к числу наиболее слабых, поскольку у него нет собственного сырья и пр., но с точки зрения организации, структуры он, без сомнения, один из наиболее развитых»⁴⁸. И, добавим, агрессивных. Подобно германскому, итальянский империализм также жаждал территориальных приобретений, также стремился к колониальным захватам. Таким образом, в конце XIX в. на мировой арене сформировались две группы соперничающих между собой капиталистических стран. Капиталистам Англии и Франции противостояла другая группа капиталистов, еще более агрессивная и хищническая.

Эту группу возглавляла Германия, господствующие классы которой требовали передела мира в свою пользу. Уже в 1891 г. наиболее агрессивные и реакционные круги германской буржуазии и юнкерства создали шовинистическую организацию «Пангерманский союз». «Король во главе Пруссии, Пруссия – во главе Германии, Германия во главе мира» – таков был основной лозунг пангерманцев. Пангерманцы требовали захвата английских, французских, бельгийских колоний, присоединения к Германии территорий, заселенных немцами в Австрии, Франции, Бельгии, Голландии и т.д. Пангерманцы выдвигали планы отторжения от России Прибалтики, лелеяли мечту о захвате Польши, Украины и даже Кавказа, откуда намеревались угрожать Британской Индии. Они собирались превратить в германскую колонию Османскую империю. В пангерманских кругах вынашивались проекты создания германской колониальной империи в Африке и Латинской Америке. В экспансионистских замыслах пангерманцев важное место отводилось борьбе против США за установление полного господства империалистической Германии на Американском континенте.

Представители финансовой и промышленной элиты также откровенно лелеяли мечту о «Великой Германии». Г. Крупп твердо верил, что германская империя представляет собою ось Европы. Вокруг этой оси он хотел консолидировать тевтонскую «Среднюю Европу», которая включала бы Австро-Венгрию, нейтральные государства: Голландию и Швейцарию, а также Скандинавию. Французскую же территорию надлежало, по его мнению, аннексировать до линии Мозель-Маас. Крупп предвкусывал возникновение огромной тевтонской колониальной империи и в Центральной Африке. Он доказывал: «Если эти задачи будут осуществлены, германская культура и цивилизация возглавят прогресс человечества; во имя достижения такой цели стоит сражаться и побеждать, проливая благородную кровь»⁴⁹. Эти сумасбродные и вместе с тем опасные идеи и планы широко пропагандировались в печати, отравляя сознание многих немцев шовинистическим угаром, оказывали значительное влияние и на правительство, на разработку им внешнеполитического курса страны.

В конце 90-х годов XIX в. финансово-промышленная олигархия и юнкерство, руководящие деятели правительства Германии открыто выдвинули экспансионистскую программу приобретения новых территорий. Выступая в рейхстаге в 1897 г., статс-секретарь ведомства иностранных дел князь фон Бюлов, лицемерно ссылаясь на то, что немцы якобы не имеют «жизненного пространства», цинично заявил: «Те времена, когда немец одному из своих соседей уступал землю, другому море, а себе оставлял небо... эти времена прошли...». И угрожающе продолжал: «Мы требуем и для себя места под солнцем»⁵⁰. В новых исторических условиях, когда территориальный раздел мира между великими державами уже был завершен, правящая клика Германии начала готовиться к новым колониальным захватам.

Кайзер Вильгельм II, к радости магнатов военной промышленности и милитаристов, произносил одну за другой провокационные, воинственные по отношению к соседям Германии речи: «Если германский орел залетел куда-нибудь и вонзил свои острые когти в землю, то эта страна должна принадлежать Германии и навсегда останется германской».

Он непрестанно бряцал оружием и требовал большего влияния, большего «жизненного пространства», больше колоний, большего «присутствия на море», больше военных кораблей, больше солдат.

В 1914 г. правители Германии развязали первую мировую войну. Спустя 4 года, в 1918 г., Германия потерпела сокрушительное поражение. Победители – страны Антанты навязали Германии тяжелый, унижительный Версальский договор. Договор значительно ограничивал суверенитет Германии, но в то же время сохранил основы власти германского империализма. Буржуазии, почувствовавшей смертельную опасность, снова удалось спастись. Виновники развязывания войны остались безнаказанными. Генеральный штаб не был распущен. Владельцев концернов, юнкеров и крупных помещиков никто не тронул. Более того, монополисты – виновники войны – не только нажились на военных поставках, значительно увеличив свое состояние, но и фактически укрепили свои политические позиции.

Предательство правых социал-демократических лидеров в ходе Ноябрьской революции 1918 г. сделало возможным то, что капитализм, власть монополий, несмотря на крушение кайзеровской империи, были спасены. Во всех решающих сферах общественной жизни в годы Веймарской республики по-прежнему властвовали представители старой элиты, лишь немного поседевшие монополисты-промышленники и банковские толстосумы, а также сыновья, зятья или племянники людей, которые задавали тон при кайзере Вильгельме II и даже еще при О. Бисмарке⁵¹.

Именно финансовая и политическая элита заключила в 30-е годы XX в. союз с Гитлером и привела его к власти, а Германию – к фашизму и катастрофе. Конечно, монополисты и нацисты не сразу нашли общий язык. Гитлеровский путч в Мюнхене в 1923 г. провалился. Гитлер был арестован, а нацистская партия была запрещена. Почему? Главная причина заключалась в том, что к этому времени революционная борьба немецких трудящихся пошла на убыль. К власти пришло правительство, составленное только из представителей буржуазных кругов, без социал-демократов.

Монополисты, магнаты капитала почувствовали себя увереннее и сочли, что установление фашистской диктатуры пока не является актуальным. К тому же правящие круги Германии опасались, что приход к власти нацистов, открыто проповедующих идеи реванша, вызовет международные осложнения. Французское правительство даже сделало по этому поводу официальное предупреждение⁵². Тем не менее буржуазная юстиция весьма снисходительно отнеслась к нацистам. Суд против Гитлера и его приспешников закончился фарсом: все они были приговорены к небольшим срокам тюремного заключения и вскоре выпущены на свободу. Гитлер, в частности, был осужден на 5 лет, но уже через год освобожден. В тюрьме Гитлер продиктовал библию нацизма — «Майн кампф», которая была издана в 1925 г. и составила впоследствии основу фашистской идеологии и пропаганды.

1924–1926 годы для нацистов были трудными. Однако в 1927–1928 гг. в Германии появились симптомы, возвещающие о приближении конца частичной стабилизации капитализма. Начавшийся в 1929 г. мировой экономический кризис оказал огромное воздействие на Германию. К концу 1929 г. промышленные предприятия были загружены менее чем наполовину. К лету 1930 г. армия безработных и частично безработных перевалила за 6 млн человек. В 1932 г. в Германии примерно каждый четвертый рабочий или служащий был безработным, жил в нужде, голодал. Кризис в промышленности сопровождался глубоким аграрным кризисом, который вел к разорению миллионов крестьян, ремесленников, мелких предпринимателей и торговцев.

Социально-экономические последствия кризиса, стремление буржуазии переложить все его тяготы на плечи трудящихся привели к обострению недовольства трудящихся, росту забастовочной борьбы, к формированию резких антикапиталистических настроений. Росло влияние коммунистов.

Все это вызвало у правящих кругов страх за свою дальнейшую судьбу. В этой обстановке реакционные круги монополистического капитала стали все больше склоняться к открытому насилию, сделали основную ставку на фашизм. Они надеялись с помощью нацистов и Гитлера обуздать рабочих,

порвать с Версальским договором, покончить с марксизмом, разрушить Веймарскую республику. У. Ширер в своей книге «Подъем и падение третьего рейха» отмечал, что правые в Германии столь страстно желали упразднения Республики, что прямо-таки с немислимым тупоумием, предубежденностью, недалководидностью подкапывались под ее устои. Они желали возрождения авторитарного государства, которое, в сущности, уже существовало в Германии в годы первой мировой войны и обеспечивало властям полное подавление какой-либо оппозиции. В конечном счете многое им удалось сделать в этом направлении уже во время Веймарской республики⁵³. В 1929 г., в период кризиса были значительно ущемлены права парламента, в конституцию страны были внесены поправки, позволяющие президенту управлять страной на основе чрезвычайного законодательства, т.е. не считаясь с парламентом. Последнее парламентское правительство, возглавляемое социал-демократом Г. Мюллером, рухнуло в 1930 г. Все последующие правительства – Брюнинга, Папена, Шляйхера, Гитлера – опирались уже не на большинство в рейхстаге, а назначались имперским президентом.

Ярым противником Веймарской республики был, например, канцлер Брюнинг, во многом способствовавший приходу Гитлера к власти. Он начал ликвидацию Веймарской республики с того, что все больше законов он и его правительство принимали в чрезвычайном, внепарламентском порядке, минуя рейхстаг. Как горделиво сообщает канцлер в своих мемуарах, им были «низведены полномочия парламента до уровня времен Бисмарка». К. Бахман отмечает: «Это все выглядело так: в 1930 г. было проведено 94 заседания рейхстага, в 1931 г. их было уже только 41, а в 1932 г. всего 13. В 1930 г. рейхстаг принял 52 закона и 5 внепарламентских чрезвычайных законов; в 1931 г. было издано 19 законов и 41 чрезвычайный закон; в 1932 г. рейхстаг принял лишь 5 имперских законов при 60 чрезвычайных. Так Брюнинг обесценил Веймарскую конституцию, равно как и избранный парламента»⁵⁴.

В сущности, каким образом можно было защитить демократию в Веймарской республике, если, как писал американский журналист А. Маурер, «юная республика постоянно

призывала старорежимных монархистов и генералов защитить ее от коммунистов! Такая республика должна была оказаться во власти своих врагов... Что следует сказать о республике, позволяющей монархистским судьям толковать ее законы по своему усмотрению и оставившей на правительственных постах старых чиновников, воспитанных в верности старому режиму, о республике, разрешающей реакционным учителям и профессорам воспитывать детей в презрении к существующей свободе и превозносить перед ними феодальное прошлое, которая разрешает и даже поощряет возрождение милитаристского духа, по вине которого главным образом страна и подверглась в прошлом унижению»⁵⁵. С помощью авторитарных методов империалистические круги буржуазии рассчитывали добиться «умиротворения» внутри страны, т. е. подавления всех демократических тенденций и, в первую очередь, революционного рабочего движения.

Рассчитывая покончить с помощью фашистов с «демократическими безобразиями» внутри страны, с профсоюзами, рабочим движением, империалистическая олигархия надеялась и в сфере внешней политики изменить статус-кво: «страхнуть» оковы Версальского мира и начать новые агрессивные войны. Действительно, Версальский договор был унижительный и грабительский для Германии. Империалисты и милитаристы Германии использовали грабительский и антидемократический характер Версальского договора для того, чтобы отравить ядом шовинизма и реваншизма широкие массы народа, в первую очередь мелкую буржуазию. В этих внутри- и внешнеполитических условиях монополистическая буржуазия и сделала ставку на дикий, шовинистический национализм, на нацизм, прежде всего потому, что основные лозунги нацистов полностью отвечали планам и целям монополистов. Для Германии все будет хорошо, если уничтожить марксизм, твердили нацисты-гитлеровцы. Следовательно, нужно ликвидировать рабочее движение. Для Германии все будет хорошо, если отказаться от парламентской демократии. Следовательно, нужно воссоздать сильное, деятельное государство, установить твердую диктатуру. Для Германии все будет хорошо, если евреев-капиталистов

вытеснить из экономики и других сфер общественной жизни. В результате с помощью антисемитизма антикапиталистические настроения были в значительной степени переведены в русло борьбы против евреев, что было весьма выгодно немецким монополистам и международному сионизму. Для Германии все будет хорошо, если она порвет Версальский договор и займет силой господствующее положение в Европе.

Эти лозунги не были изобретением нацистов. Их проповедовали монополисты и их идеологические приспешники и в кайзеровской Германии, и в Веймарской республике. Уже в то время их использовали в борьбе против революционного движения, объявляя революционеров и даже просто пацифистов врагами народа, а также для оправдания гонки вооружений и экспансионистской политики. Разница была только в том, что фашисты придали этим лозунгам особо агрессивный смысл, используя самые изощренные средства (от демагогии до террора), навязали эти лозунги широким массам. Монополисты, поддерживая нацистов, полагали, что в Гитлере и фашистах они нашли ту силу, которая поможет им в достижении их целей, не выходя в то же время из-под их воли и контроля.

Как уже отмечалось, еще в 20-х годах XX в. монополисты поощряли фашистов, хотя не сочли в то время целесообразным открыто встать на их сторону, допустить осуществление ими государственного переворота во время путча Гитлера — Людендорфа в 1923 г. Тем не менее Гитлера они оценили, на нацистское движение постоянно рассчитывали. Фашистская диктатура под руководством Гитлера не только представлялась крупной буржуазии и юнкерству надлежащей гарантией предотвращения социалистической революции, но и одновременно казалась наиболее способной обеспечить подготовку политики реванша после поражения 1918 г., а также новых агрессивных завоевательских войн.

К. Бахман в своей книге воспроизводит запись беседы В.Г. Кастла — руководителя отдела Западной Европы государственного департамента США с Г. Стиннесом (19 ноября 1922 г.): «Планы Стиннеса простираются далеко. Он предвидит, что путь на Восток откроется вновь, что Польша исчезнет, что начнется экономическая эксплуатация России и Италии со

стороны Германии, — записывает В. Г. Кастл и резонно спрашивает: А не приведут ли эти намерения к новой войне, если мы и весь остальной мир не пожелают оказаться под немецким господством?»⁵⁶.

Германские монополисты действовали. Взрачивали фашизм, они были его крупнейшей финансовой опорой, оказывали ему прямую политическую поддержку. В течение 1927–1932 гг. состоялись секретные встречи, в которых приняли участие видные представители финансовой олигархии, помещики, генералы и главы фашистской партии. Поддержка нацистов промышленниками и банкирами стала особенно очевидной после встреч Гитлера в 1932 г. с верхушкой германской империалистической буржуазии. Гитлер изложил промышленным и финансовым магнатам свою программу ремилитаризации Германии, перехода к политике завоевания «жизненного пространства», подготовки и развязывания войн. Он обещал предоставить крупные военные заказы, создать сильную и здоровую нацию, твердое и стабильное правительство, высказался за решительную борьбу против большевизма и марксизма. «Марксизм будет выкорчеван с корнем, — заявил Гитлер. — Думаете, что я пошел бы на компромиссы с марксизмом? Ни на какие. Если я пойду на какой-либо компромисс, тогда через 30 лет марксизм оживет опять. Марксизм нужно убить»⁵⁷.

Гитлер запугивал монополистов большевизмом и одновременно обещал их «спасти»: «Если бы нас не стало, то сегодня в Германии больше уже не было бы буржуазии, а вопрос: большевизм или меньшевизм — был бы уже давно решен!... Вы видите перед собой организацию, наполненную самым выдающимся национальным чувством, построенную на теории абсолютного авторитета руководства во всех инстанциях, единственную партию, которая преодолела в себе без остатка не только интернациональные, но и демократические идеи, которая во всей своей организации вводит только ответственность, приказ и послушание.... И если нас упрекают в нетерпимости, то мы с гордостью в ней признаемся: да, мы приняли непреклонное решение вырвать до последнего корня марксизм в Германии»⁵⁸.

Магнаты германской промышленности поддержали Гитлера и нацистов именно потому, что программа фашистов пол-

ностью соответствовала их классовым интересам, их антикоммунистическим целям, более того, она была их собственной программой.

Монополисты оказали Гитлеру не только политическую, но и огромную финансовую поддержку. Уже с начала 30-х годов финансирование монополистами фашистской партии приобретает регулярный характер. Так, Рейнско-Вестфальский угольный синдикат с 1 января 1931 г. начал отчислять в ее кассу по 6 млн марок ежегодно. А Ф. Тиссен, субсидировавший еще путч Гитлера-Людендорфа, позднее потратил миллионы на военизированные отряды нацистов. После захвата гитлеровцами власти монополисты по инициативе Крупна создали «Фонд Адольфа Гитлера», в который Крупн сразу же вложил 6 млн рейхсмарок, а также дополнительно передал еще 6 млн на другие нужды национал-социализма. Концерн же «ИГ Фарбениндустри» внес в этот фонд с 1933 по 1944 гг. около 80 млн марок⁵⁹. А. Маурер в книге «Германия переводит стрелку часов назад» в 1933 г. писал: «Список финансовых покровителей, оказывающих помощь национал-социалистическому движению, стал чрезвычайно длинным. Подписной лист национал-социалистической партии также пестрил фамилиями предпринимателей, парламентских представителей, генеральных советников... как и подобный лист Национального комитета республиканской партии США»⁶⁰.

В числе лиц, финансировавших фашистское движение в Германии, были и многие зарубежные капиталисты. Один лишь английский нефтяной король Г. Детердинг передал Гитлеру 10 млн голландских гульденов⁶¹.

Примечательно, что монополии усилили свою поддержку Гитлера именно в тот момент, когда положение нацистской партии стало ухудшаться. На выборах в апреле и ноябре 1932 г. НСДАП потеряла 2 млн голосов и 34 места в рейхстаге, а рабочие партии, особенно коммунисты, существенно укрепили свои позиции. Вместе СДПГ и КПГ получили свыше 13 млн голосов избирателей и больше мест в рейхстаге, чем нацисты. Кроме того, министр внутренних дел генерал Грёнер распорядился распустить гитлеровские отряды СА и СС, а также запретил ношение формы членами всех других

военизированных организаций нацистов. Правые немедленно пришли на помощь Гитлеру. Начало положил кронпринц Вильгельм — через день после запрещения национал-социалистических боевых отрядов он обратился к генералу Грёнеру с письмом, в котором говорилось: «... мне особенно прискорбно, что Вы поставили свою подпись под распоряжением о роспуске СА и СС. Я могу расценить это распоряжение как серьезную ошибку, чреватую страшной опасностью для внутреннего мира. Запрещение членам «Стального шлема» носить форму и роспуск СА и СС неизбежно сильнейшим образом подорвут в национальных кругах доверие к министерству обороны. Поскольку я с давних пор стремлюсь лично содействовать установлению доверия между рейхсвером и национальными организациями — это особенно относится к НСДАП, — Вы... поймете, сколь тягостное впечатление производит на меня этот шаг, скрепленный Вашим именем...»⁶².

Вскоре под давлением крайне правых политиков, генералитета и президента Гинденбурга генерал Грёнер вынужден был уйти в отставку, а вслед за ним Гинденбург уволил в отставку и канцлера Брюнинга (которому за две недели до этого рейхстаг выразил полное доверие). Канцлером стал Папен, проложивший дорогу Гитлеру. Именно признаки ослабления позиций фашистов в массах заставили буржуазию поспешить с передачей власти фашистам.

19 ноября 1932 г. представители крупной промышленности и землевладельцы направили Гинденбургу следующее послание, которое имело первостепенное значение в передаче гитлеровцам власти. В послании говорилось: «Мы видим в национальном движении, охватывающем наш народ, многообещающее начало, которое только и создает, благодаря преодолению классовых противоречий, необходимую базу для нового подъема немецкой экономики. Мы знаем, что этот подъем потребует многих жертв. Мы верим, что эти жертвы могут быть с готовностью принесены только в случае, если крупнейшая группа этого национального движения (имеется в виду НСДАП) будет участвовать в правительстве как руководящая сила. Вверение ответственного руководства президентским кабинетом, который состоит из лучших в деловом

и личном отношении кадров, фюреру крупнейшей национальной группы устранит недостатки и ошибки, присущие в силу обстоятельств любому массовому движению, и позволит увлечь за собой миллионы людей, ныне стоящих в стороне, сделает их надежной силой»⁶³.

Банкир барон К. фон Шрёдер на Нюрнбергском процессе по делу концерна «ИГ Фарбениндустри» в 1947 г. раскрыл причины, побудившие магнатов капитала поддерживать Гитлера: «Общее устремление (магнатов капитала, — *Б.Б.*)... сводилось к тому, чтобы получить сильного фюрера... Когда... НСДАП потерпела свое первое поражение и миновала свой зенит, поддержка ее со стороны немецких экономических кругов стала особенно важной. Общий для этих кругов интерес обусловился страхом перед большевизмом и надеждой, что национал-социалисты в случае их прихода к власти создадут устойчивую политическую и экономическую базу в Германии. Другой общий интерес определило желание осуществить экономическую программу Гитлера, причем существо вопроса заключалось в том, что экономические силы должны были сами направлять дело к решению проблем, поставленных политическим руководством. Кроме того, ожидалось, что возникнет подходящая экономическая конъюнктура благодаря размещению крупных государственных заказов». И далее в показаниях Шрёдера следует особенно зловещая фраза: «Надо упомянуть.... что Гитлер проектировал увеличение вермахта, требовал разрыва Версальского договора и желал возрождения сильной Германии как в военном, так и в экономическом отношениях»⁶⁴. Впоследствии, уже после разгрома фашизма, Крупш, находясь в заключении, также вынужден был признать, что его концерн сознательно и добровольно поддержал Гитлера. И после этого находятся еще «исследователи», которые доказывают, что крупные промышленники не имели-де намерения привести Гитлера к власти и не оказали будто бы фашистам решающей поддержки!⁶⁵.

Гитлер и фашисты оправдали надежды и ожидания монополистов. После прихода их к власти были созданы все предпосылки и для требуемой финансовой олигархией борьбы с марксизмом, революционным рабочим движением, для

политики реванша и захватнических войн. Уже с первых же дней, когда Гитлер стал канцлером, началась кампания против коммунистов, всех антифашистских сил. Коммунистическая и другие рабочие партии были запрещены. Коммунисты-депутаты рейхстага были арестованы в день открытия рейхстага, сотни и тысячи коммунистов и социал-демократических деятелей были брошены в тюрьмы и концлагеря. Наконец, оказались разгромленными и профсоюзы. Гитлер заменил их «корпоративной системой», превратил предпринимателей в «вождей предприятий», облеченных неограниченными правами. Фашисты издали закон «О принудительном картелировании», согласно которому многие мелкие предприятия лишались своей самостоятельности и присоединялись к крупным монополиям. Только за период с 1933 г. по 1939 г. 700 тыс. ремесленников и мелких торговцев потеряли свою собственность, которая стала добычей крупных капиталистических хищников. Начав перевооружение страны, фашизм дал монополистам возможность получать колоссальные, из года в год возрастающие прибыли.

В результате между 1932 и 1939 гг. количество миллионеров в Германии увеличилось на 180 человек. В то время как покупательная способность минимальной заработной платы снизилась с 1932 по 1937 г. на 7%, чистая прибыль концернов резко возросла. Например, чистая прибыль концерна Круппа увеличилась за тот же период с 6,65 млн до 17,22 млн рейхсмарок. В 1945 г. Альфред Крупп признал, что его личное состояние как единственного владельца концерна составляет 160 млн марок, которые ежегодно приносят ему 6% дивидендов, освобожденных от налогов, иными словами, около 10 млн марок в год.

Объединение Круппа как бы символизировало собой весь германский военно-промышленный капитал. Еще накануне первой мировой войны, беспощадно заклеив «кровавый интернационал торговцев смертью», К. Либкнехт подчеркивал, что главенствующая роль в нем принадлежит именно концерну Круппа — этому матадору международной промышленности вооружений, который превосходит остальных участников состязания во всех отраслях военного производства. Эту роль

«матадора военной промышленности» Крупп еще больше закрепил в годы правления нацистов⁶⁶.

Наряду с крупповскими предприятиями на дрожжах военных авантюр Германии росли и другие концерны. Так, уже в годы первой мировой войны совершил решающий рывок с целью установления своего господства над всей химической промышленностью Германии концерн «ИГ Фарбениндустри». К началу второй мировой войны этот концерн занимал ведущие позиции в фармацевтической промышленности, в производстве красителей, искусственных удобрений, взрывчатых веществ, синтетического каучука, пластмасс и т. д. В состав «ИГ» входило 177 заводов в самой Германии и около 200 заводов в других странах, а к концу войны концерн объединял 380 германских фирм и его влияние распространялось на 500 иностранных компаний в 93 странах. «ИГ» контролировал 40 тыс. патентов. Не случайно в обвинительном заключении Нюрнбергского трибунала «ИГ» был назван «государством в государстве».

Д. Боркин в книге «Преступление и наказание «ИГ Фарбениндустри»» отмечает, что «лидерство» «ИГ» в подготовке промышленности Германии к войне было «неоспоримым». Заводы и лаборатории этого концерна сделали все для перевооружения Германии, для подготовки ею агрессивных войн. Концерн выпускал почти все синтетическое горючее, синтетический каучук, отравляющие газы, магний, смазочные масла, взрывчатые вещества, метиловый спирт, сыворотки, пластификаторы, красители, никель и тысячи других видов продукции, необходимых для фашистской военной машины. Д. Боркин отмечает, что руководитель «ИГ Фарбениндустри» Краух стал символом вклада «ИГ» в укрепление военной мощи Германии. Когда началась фашистская агрессия и войска вермахта запленили всю Европу, Гитлер лично вручил Крауху награду, которая предназначалась только для героев, отличившихся на войне, — «Железный крест», и назвал его человеком, одержавшим поразительные победы на поле боя германской промышленности. «Никогда ранее в истории, — подчеркивает Боркин, — промышленник и промышленный концерн не играли такой решающей роли в военном планировании и в подготовке к большой войне. Это было военно-

промышленное партнерство в его чистейшей форме»⁶⁷. Это «партнерство», неся миллионам людей горе и смерть, давало «ИГ Фарбениндустри» огромные материальные выгоды. Так, после вторжения в Австрию «ИГ Фарбениндустри», цинично ссылаясь на национальные интересы Германии грабительно присоединил к себе крупнейший химический концерн «Шкода верке Вецлер», объявив его «своей собственностью». То же самое произошло после захвата Чехословакии с химической компанией «Ауссигер Ферейн».

В годы фашистского господства доходы германских монополий непрерывно росли. Например, «Стальной трест» увеличил свои прибыли за первые шесть лет гитлеровской диктатуры в 3,5 раза, концерн Маннесмана – в 5, концерн Круппа – в 3,5, концерн Сименса – в 3 раза, а прибыли «ИГ Фарбениндустри» с 1932 по 1943 г. повысились в 18 раз. Примечательно, что сами фашистские главари становились акционерами крупнейших монополистических объединений. Так, Геринг, в частности, был одним из совладельцев созданного в 1937 г. крупнейшего военно-промышленного концерна, названного его именем и объединившего 177 заводов, 69 горнопромышленных и металлургических предприятий, 15 строительных фирм и т. п.

Общая сумма прибылей германских монополий с учетом всех видов доходов была не меньше 90–100 млрд. марок. Кроме того, германскими монополистами было выкачано с территории Франции, Бельгии, Голландии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Словакии за годы войны примерно 124 млрд. марок. Причем, сюда не вошла стоимость, созданная принудительным трудом рабочих, угнанных в Германию из этих стран. Но, главное, что в эту сумму не вошли доходы монополий от ограбления экономики и хищнической эксплуатации труда рабочих Советского Союза и Польши, а также Чехии и других стран, больше всего пострадавших от гитлеровской оккупации. А ведь известно, что только с оккупированной территории СССР на принудительный труд в Германии было угнано около 6 млн советских граждан, так что материальные выгоды, извлеченные монополистической буржуазией фашистской Германии, полностью даже не поддаются учету.

Примечательно, что лидеры концернов сознательно приближались к нацистской идеологии, многие из них вступали в нацистскую партию, а кое-кто и в ряды эсэсовцев. «ИГ Фарбениндустри», например, открыто скрепил свой союз с Гитлером тем, что объявил принципом своей деятельности неизблемость фашистской доктрины, и все члены правления этого крупнейшего концерна демонстративно вступили в нацистскую партию.

Фашизм оправдал надежды и поддержавших его земельных магнатов. Хотя Гитлер в известной февральской программе 1920 г. провозглашал проведение земельной реформы и требовал издания закона о безвозмездном отчуждении юнкерских поместий, он, разумеется, подло обманул крестьян. В 30-х годах, распаркиваясь перед земельными магнатами, Гитлер объявлял клеветниками тех, кто «приписывал» нацистской партии намерение экспроприировать крупных землевладельцев.

Более того, в годы фашистского правления крупное землевладение значительно возросло. Так, в период с 1933 по 1939 г. число крупнейших помещиков увеличилось на 898, а принадлежащая им земля – почти на 3 млн га. К началу второй мировой войны в Германии насчитывалось 41751 юнкерское хозяйство, каждое из которых имело более 100 га. В общей сложности они владели 20,3 млн га земли. Это 38% всей полезной сельскохозяйственной площади. В то же время почти 1,8 млн крестьянских хозяйств владели 28,6 млн га, или 53,4% всей сельскохозяйственной площади, т. е. немногим более чем 42 тыс. юнкеров. Остаток принадлежал крестьянам – беднякам, на долю каждого из которых приходилось менее 5 га земли. Гитлер оставил также нетронутыми 16 крупнейших княжеских поместий с общей площадью земли почти 600 тыс. га. При нацистах 5,5 тыс. крупных феодалов владели 5,75 млн га земли. Только на одной этой площади можно было бы расселить 550 тыс. крестьянских семей, выделив каждой по 10 га земли⁶⁸.

В конечном счете после победы Гитлера монополисты-промышленники и аграрные бароны – старые поджигатели войны и идеологи захватнической политики – оказались на переднем крае. Они стали «виртшафтстфюрерами» экономики, членами гитлеровского рейхстага, имперского кабинета министров.

Классовую сущность фашистской диктатуры в Германии хорошо демонстрирует состав учрежденного фашистами Генерального совета экономики. Из 16 членов этого, по сути дела, подлинного правительства Германии 9 являлись крупными промышленниками, представителями монополистического капитала, 4 — банковскими заправилами и два крупными землевладельцами. Министерством хозяйства руководил представитель крупных банков и страховых трестов Шмитт. Управление объединенными унифицированными капиталистическими союзами было поручено Круппу. Тиссена Гитлер назначил «авторитарным примирителем» во всех вопросах тарифов и заработной платы в Германии⁶⁹. Гитлер не забыл тех, кто помогал ему и поддерживал его. Председатель бывшего «Пангерманского союза» Класс был с особыми почестями приглашен им в рейхстаг в награду за «идеи», которые позаимствовал у него Гитлер, развивая в «Майн кампф» захватническую политику «Дранг нах Остен» («натиска на Восток»).

В Италии также крупная буржуазия, монополисты сыграли роковую роль в разгроме республиканских институтов, в приходе фашистов к власти. Как развивались события в этой стране? После революционных событий в сентябре 1920 г. итальянская буржуазия утрачивает веру в силу так называемого конституционного государства и парламентаризма и все более склоняется к необходимости террористического подавления революционного движения⁷⁰. «Политическая сила капитализма, — писал А. Грамши в октябре 1920 г., — постепенно все больше сливается с высшей военной иерархией, с королевской гвардией, с разного рода авантюристами, которые кишмя кишат всюду после перемирия и стремятся — каждый в борьбе против остальных — сделаться итальянскими Корниловыми или бонапартами»⁷¹.

Рассчитывая использовать фашизм против революционного пролетариата, буржуазия, ее государственная власть пособничала фашистам. Военные власти давали им оружие. Профессиональные и отставные офицеры обучали фашистские банды и фактически руководили их операциями. Рабочих и крестьян же разоружали. Разоблачая пособничество фа-

шистам со стороны итальянских правящих кругов, А. Маурер пишет: «Полиция оставалась «нейтральной» перед лицом убийств, насилий и поджогов... Чиновники лишь пожимали плечами, когда вооруженные банды заставляли социалистов под угрозой смерти или суда отказываться от своих постов или устраивали форменные суды и приговаривали своих врагов к телесному наказанию, ссылке или казни... Иногда карабинеры и королевские гвардейцы выступали вместе с фашистами, парализуя сопротивление крестьян»⁷².

Итальянские фашисты, так же как и германские, выступали с весьма демагогическими лозунгами по вопросам внутренней, в первую очередь социально-экономической, политики: объявляли себя сторонниками всеобщих выборов, восьмичасового рабочего дня, участия рабочих в руководстве предприятиями, единовременного прогрессивного налога на капитал и секвестра 85% военных прибылей, национализации всех военных предприятий и т. д. Эти лживые, ультрадемагогические лозунги и требования фашистов не могли обмануть наиболее внимательных буржуазных политических деятелей. Как отмечает Б.Р. Лопухов, Орландо, премьер-министр Италии в момент зарождения фашизма, «свидетельствовал, что начиная с июня 1919 года он рассматривал Муссолини как представителя крайне правого национализма. Либерал М. Миссиरोли писал, что даже вначале в политических кругах буржуазии никто не считал фашизм действительно левым движением и его лозунги рассматривались как маневр для того, чтобы обмануть массы»⁷³.

Если обратиться к анализу состава фашистской правящей элиты Италии, то и здесь преобладание финансовой олигархии налицо. По данным на 1932 г. 112 сенаторов, 175 депутатов и многие члены Большого фашистского совета и руководства фашистской партии занимали оплачиваемые посты в административных советах крупных акционерных обществ. В 1940–1941 гг. эти связи стали еще более многочисленными и глубокими. Так, акционерные общества, входящие в состав четырех крупных частных электропромышленных групп, имели в своих административных советах более 40 сенаторов и депутатов. В составе административных советов акционерных

обществ сахарной промышленности и смежных отраслей насчитывалось 15 сенаторов и депутатов, в административных советах страховых обществ — свыше 30, машиностроительных акционерных обществах — свыше 30, химических — свыше 25, текстильных — свыше 25 и т. д. Весьма показательно, что среди имен многочисленных специалистов и финансистов, входящих в состав верхней и нижней палаты, фигурировали имена известных политиков. Это означало совмещение в одном лице политического и экономического деятеля⁷⁴.

И если до прихода фашистов к власти образование монополистических групп и картелей носило частный характер, то теперь оно стало обязательным и приобрело государственные prerogatives. Это означает, что если раньше картелизация происходила на добровольной основе, то теперь возникло новое положение, при котором отдельное предприятие было обязано в соответствии с государственным законом вступить в картель и подчиниться его дисциплине, которая диктовалась крупнейшими промышленниками, возглавлявшими картель. Новым являлось также то, что были расширены функции и власть картелей и им присвоены некоторые государственные функции (например, предоставление лицензий на импорт сырья, установление цен и т. д.)⁷⁵.

Все это убедительно свидетельствует, что в фашистских государствах крупные промышленники и финансисты, во-первых, были той социальной силой, которая в решающей степени содействовала приходу фашистов к власти, точнее, фашистскому перевороту (поскольку передача власти Гитлеру, вопреки буржуазным фальсификаторам, отнюдь не была результатом «победы легальной оппозиции», но именно государственным переворотом)⁷⁶; во-вторых, были главной опорой фашизма в годы его борьбы за власть и в годы его господства; в-третьих, именно они — представители олигархии — получили наивысшую мзду в результате агрессивных грабительских, разбойничьих войн фашизма.

§ 2. Фашизм и милитаризм

Важной силой, обусловившей возникновение, развитие и победу фашизма, был милитаризм.

Сея ненависть к другим народам, проповедуя превосходство собственной нации, расизм, империалистические идеологи заражали шовинизмом, страстью к завоеваниям мелкобуржуазные массы и даже определенные слои трудящихся, рабочего класса. Не случайно один из глашатаев английского империализма Д. Чемберлен демагогически заявлял, что потеря английского господства в колониях якобы «отразится» прежде всего на трудящихся классах Британии. Обострившаяся на рубеже веков борьба между империалистическими хищниками за передел мира привела к еще большему нарастанию милитаристических тенденций. Особенно агрессивные, реакционные черты приобрел германский милитаризм. Как и специфические характеристики финансовой олигархии Германии, особенности германского милитаризма также были обусловлены историческим развитием этой страны.

Все возрастающая агрессивность германского милитаризма во многом была обусловлена тем, что Германию объединила прусская военщина в результате разгрома Франции. В объединенной Германии, представляющей собой союз 22 монархий, главенствующую роль приобрела милитаристско-юнкерская Пруссия. Как отмечает Э. Никиш, видный политический мыслитель Германии 20–60-х гг. XX в., Пруссия сделала выбор в пользу принципа силы. Это прежде всего выразилось в том статусе, который в рамках государственной структуры был отведен армии.

Государство состоит не из граждан, а из солдат. Роль, которая в либеральных государствах принадлежит парламенту, здесь играет Генштаб. Меру уважения к личности задает не положение в обществе, а положение в войске... Человек начинается только с лейтенанта. Светила культуры, великие умы блекнут на фоне сверкающих мундиров и эполет. На цивильную одежду смотрят с презрением даже те, кто ее носит, втайне они завидуют золоченым мундирам. Милитаризм принижает все формы общественной жизни. Всюду приказывают и подчиняются, всюду перед начальством стоят

по стойке смирно, нигде ему не прекословят. Солдатское послушание, солдатские добродетели, солдатские представления о чести, солдатское обхождение определяют весь жизненный уклад народа. В этом-то и заключается суть прусско-немецкого милитаризма, подчеркивает Э. Никиш.

Пруссачество как социально-политическая сила обеспечило себе господствующее положение в Германии. Созданное руками прусско-милитаристской реакции, германское государство стало, по известному ироническому замечанию, «германской империей прусской нации». Пруссачество постоянно взращивало милитаристскую касту. Прусское офицерство постоянно отличало непомерное сословное чванство, отделявшее его от народа непреодолимым рвом. Военщину воспитывали в духе вражды к любому гуманистическому образованию, пишет немецкий историк В. Руге и подчеркивает, что «из всего этого выросло слепое повиновение начальству и безусловная преданность монарху...»⁷⁷.

Германия, с момента своего рождения являвшая собой «бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм», стремилась подавить, прибегая к самым крайним средствам любые революционные, демократические выступления в стране. И Бисмарк, и кайзер Вильгельм II давали весьма циничный рецепт расправы с рабочим классом, с социал-демократическим движением: «Реформами не убьешь социал-демократию; рано или поздно все равно придется перестрелять ее»⁷⁸.

Но, разумеется, главное, к чему стремилась прусская военщина, — это обеспечение своих агрессивных замыслов. В 1912 г. в Германии привлекла к себе широкое внимание книга, озаглавленная «Наше будущее. Предостережение германскому народу». Ее автором был Ф. фон Бернгарди, тогдашний начальник одного из отделов в Генеральном штабе. Название глав этой книги — «Право вести войну», «Обязанность вести войну», «Историческая миссия Германии», «Мировое господство или крах» — говорят сами за себя. С точки зрения Бернгарди, «завоевательная война» является «политической необходимостью» и, следовательно, «высшим долгом государства». Ф. Бернгарди доказывал, что рейх, зажатый в тисках

«неестественных» границ, никогда не сможет достичь своих целей без увеличения своего политического могущества, без расширения сферы своего влияния и без завоевания новых территорий. Куда бы мы не обратили свой взор, твердил он, повсюду перед нами встает альтернатива: либо отказаться от наших целей, либо подготовиться к тому, что их придется добиваться оружием. Ф. Бернгарди цинично оправдывал вмешательство Германии во внутренние дела других государств, захват колоний и посприание международных договоров ссылкой на силу как «высшую этику». Он на все лады доказывал необходимость не ограничивать «германскую свободу действий» никакими предрассудками вроде международного права. «Мы должны... постоянно сознавать, — утверждал он, — что ни при каких обстоятельствах не должны избегать войны за наше положение мировой державы...»⁷⁹.

Подобный стиль мышления и действий был присущ и императору Вильгельму II и многим политическим деятелям Германии той эпохи. Стремясь к войне, милитаристы не брезговали никакими средствами. Сам кайзер Вильгельм II прибегал к прямому вероломству. На полях доклада канцлера Бетман-Гольверга о ситуации на Балканах он сделал надпись: «Нужна, наконец, провокация, чтобы получить возможность нанести удар». И без обиняков приписал далее, что «при наличии более или менее ловкой дипломатии и ловко направляемой прессы таковую (провокацию) можно сконструировать... и ее надо постоянно иметь под рукой»⁸⁰.

Подобные тенденции к империалистической агрессии, сочетаясь со старыми милитаристскими традициями прусского офицерства, сделали германский империализм крайне реакционным и агрессивным как внутри страны по отношению к «внутренним врагам», так и за ее пределами по отношению к «внешним врагам». К. Либкнехт, определяя черты милитаристского духа, писал: «По отношению к внешнему врагу он заключается в шовинистическом бездушии и высокомерии, по отношению к внутреннему врагу — в ненависти ко всякому прогрессу, к какому бы то ни было стремлению, хотя бы самым отдаленным образом угрожающему господствующему классу»⁸¹.

Причем, империалистические круги Германии, в намерении изменить статус-кво, стремлении к колониальным захватам, проводили нереалистическую, в сущности, авантюристическую политику. Во времена Бисмарка германские правящие круги еще руководствовались реалистическими оценками соотношения сил, считали опасным заблуждением вести войну одновременно против Запада и Востока, против Франции и России. Теперь, по мере развития в Германии империализма, ставка все более делалась на опасную авантюристическую политику, рассчитанную на разгром коалиции более сильных в экономическом и военном отношении противников.

Со всей отчетливостью это нашло свое отражение в планах графа Шлиффена, начальника Генерального штаба Германии в 1891–1905 гг. Суть этого плана – поиск выхода из объективно неблагоприятного стратегического положения империалистической Германии, которая располагала гораздо меньшими источниками сырья, производственными мощностями и людскими резервами. Ее вероятные противники, зажав рейх с двух сторон, могли бы перерезать его морские коммуникации и поставить под вопрос его продовольственное снабжение. Из этой ситуации, согласно концепции Шлиффена, вытекало, что германский империализм, желая осуществить свои цели, должен был позаботиться о том, чтобы добиться исхода войны раньше, чем его противники получили бы возможность полностью мобилизовать свои ресурсы или установить эффективную блокаду Германии. Надо застать противника врасплох, надо нанести уже первый удар с максимальной силой. За образец Шлиффен взял битву при Каннах (216 г до н. э.), в которой карфагенский полководец Ганнибал разгромил более сильное римское войско, окружив его. Причем то обстоятельство, что Карфаген все же проиграл все три войны против Рима и в итоге был уничтожен, не изменило желаний Шлиффена подражать Ганнибалу. Смысл плана Шлиффена был таков: быстро пройти нейтральную Бельгию, обойти, окружить и уничтожить французскую армию, а затем, перебросив войска на Восток разгромить Россию⁸².

Эта шлиффеновская авантюристическая доктрина «молниеносной войны» потерпела сокрушительное поражение в 1918

году. Но именно в этом году по сути и началась нацистская «революция» (по терминологии нацистов), то есть нацистская контрреволюция. Добровольческие отряды по своей жестокости и способам борьбы были явными предшественниками будущих нацистских отрядов штурмовиков и эсэсовцев. Также, как будущие нацисты, они мучили и пытали политических противников, ставили их к стенке и расстреливали без лишних разговоров.

Германские военные, рейхсвер в сущности были противниками республики, противниками демократии. Они пошли на сделку с нацистами, сами стали нацистами потому, что их объединяли общие замыслы и цели: вражда к Веймарской республике и желание реванша за поражение в 1918 году. Германские милитаристы снова «вспомнили» о доктрине Шлиффена.

Эта авантюристическая доктрина «молниеносной войны» оказала решающее влияние на генералов фашистского вермахта при разработке ими планов войны против СССР. Слепая ненависть к Советскому Союзу лишила гитлеровский генералитет возможности хотя бы приблизиться к реалистической оценке советского военно-промышленного потенциала. Советский Союз был для Гитлера «колоссом на глиняных ногах», для начальника штаба вермахта генерал-полковника Йодля — «пузырем, который надо лишь наколоть, чтобы он лопнул», для начальника Генерального штаба генерал-полковника Гальдера — «оконным стеклом, которое стоит только ударить один раз кулаком и все развалится на куски».

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, разоблачая авантюризм германского империализма, отмечает, что все планы и намерения гитлеровского военного руководства после вторжения на территорию СССР последовательно срывались. «Обо что же споткнулись фашистские войска, сделав свой первый шаг на территории нашей страны, что прежде всего помешало им продвигаться привычными темпами? Массовый героизм наших войск, их ожесточенное сопротивление, упорство, величайший патриотизм армии и народа»⁸³, — подчеркивает Г.К. Жуков. Бесспорно, война с фашистской Германией на-

чалась для нас неудачно, даже не просто неудачно, но жестокими поражениями.

Сегодня многие отечественные публицисты, писатели, ученые, политики гневно обличают сталинское руководство, которое не готовилось или плохо представляло войну с фашизмом. Оснований для этих обвинений можно найти достаточно. Вместе с тем многие государственные и военные деятели, например, Г.К. Жуков, вполне убедительно доказывают, с какой настойчивостью страна готовилась к обороне. «Вновь проследив мысленным взором ход строительства Советских Вооруженных Сил, начиная со времен гражданской войны, должен сказать, что в основном и здесь мы шли верным путем. Советская военная доктрина, принципы воспитания и обучения войск, вооружение армии и флота, подготовка командных кадров, структура и организация вооруженных сил непрерывно совершенствовались в нужных направлениях. Всегда был исключительно высок моральный и боевой дух войск, их политическая сознательность и зрелость... Я не могу назвать какое-либо большое, принципиальное направление в строительстве наших вооруженных сил, которое стоило бы перечеркнуть, выбросить за борт, отменить». (Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. С. 237–238).

(Продолжение во второй части)

Примечания

- ¹ Литература Введение У. Черчилль Мускулы мира. – М., 2005. С. 425. Глава 1.
- ² Bracher K.-D. Die Auflosung der Weimarer Republik. – Stuttgart, 1955. S. 334; см. также: Bracher K.-D., Funke M., Jacobsen H.A. (Hrsg.). Nationalsozialistische Diktatur 1933–1945. – Koln, 1960. S. 154.
- ³ Kuhl R. Der deutsche Faschismus in Quellen und Dokumenten. – Koln, 1975. S. 6, 7.
- ⁴ Rauschnig H. Die Zeit des Delirismus. – Zurich, 1947.
- ⁵ Weiss J. The Fascist Tradition Radical Rightwing Extremism in Modern Europe. – N. Y., 1967. P. X.
- ⁶ Meinecke F. Die deutsche Katasrophe. – Wiesbaden, 1946; Windisch A. Fuhrer und Verfuhrte. – Seebruck am Chiemsee, 1946; Croce B. Scritti e discorsi politici. – Bari, 1963. Vol. I.
- ⁷ Цит. по: Одуев С.Ф. Критика философии фашизма. – В кн.: Проблемы борьбы с идеологией фашизма и неофашизма. – М., 1975. С. 66, 67.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Цит. по: Кин Ц.И. Италия на рубеже веков. – М., 1980. С. 107.
- ¹⁰ Meinecke F. Die deutsche Katasrophe. S. 115–129.
- ¹¹ Fest J. Das Gesicht des Dritten Reiches. – Munchen, 1963. S. 113.
- ¹² Тойнbee А. Experience. – Л., 1969. P. 227.
- ¹³ Цит. по: Schellenberg W. Memoiren. – Koln, 1956. S. 99.
- ¹⁴ Ropke W. Die deutsche Frage. – Stuttgart, 1948. S. 17.
- ¹⁵ Freud Z. Civilization and Its Discontent. – Л., 1955. Vol. XXI. S. 115.
- ¹⁶ Reich W. Die sexuelle Revolution. – Fr. am M., 1966.
- ¹⁷ Reich W. Massenpsychologie des Faschismus. – Berlin, 1974. S. 11, 15–16.
- ¹⁸ Fromm E. The heart of Man. – Л., 1964; Marcuse H. Der eindimensionale Mensch. – Fr. am M., 1967. S. 96.
- ¹⁹ См.: Замковой В.И., Семейко Л.С. Проблема войны и мира в современной идеологической борьбе. – М., 1978. С. 23.
- ²⁰ Baldwin H. The Crucial Years 1939–1941; The World at War. – N. Y., 1976. S. 3.
- ²¹ Schwarz E. Weltbild und Weltgeschichte. – Stuttgart, 1946. S. 216, 240–246.
- ²² Nolte E. Der Faschismus in seiner Epoche. – Munchen, 1963.
- ²³ Fourastie J. Le grand espoir du XX siecle. Progres technique – progres economique – progres sociale. – P., 1952.
- ²⁴ Arendt H. Elemente und Ursprungen totaler Herrschaft. – Fr. am Main, 1955; Ritter G. Europa und die deutsche Frage. – Munchen, 1948.
- ²⁵ Franz-Willing G. Die Hitlerbewegung. Der Ursprung 1912–1922. – Hamburg; Berlin, 1962. S. 5–6.
- ²⁶ Reichmann E. Die Flucht in dem Ha?. Die Ursachen der deutschen Judenkatastrophe. – Fr. am M., 220–221. Реакционные идеологи, по сути, оправ-

дывают установление фашистских диктатур как средство укротить, нейтрализовать агрессивные, «разрушительные инстинкты» масс (см., например: Vallenilla I. Cesarismo Democratico. — Caracas, 1952. P. 151).

²⁷ Mumford L. Faith for living. — L., 1941. P. 118.

²⁸ Цит. по: Пруссаков В. Окультный мессия и его рейх. — Нью-Йорк; Москва, 1991. С. 138–139.

²⁹ Мельников Д., Черная Л. Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер. — М., 1981.

³⁰ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. — М. С. 367.

³¹ Бахман К. Кем был Гитлер в действительности? — М., 1981. С. 23.

³² Там же. С. 186

³³ В свое время В.И. Ленин предупреждал о том, что монополистическая буржуазия «из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое. Отживающая буржуазия соединяется со всеми отжившими и отживающими силами... готова на все дикости, зверства и преступления, чтобы отстоять гибнущее капиталистическое рабство». Фашизм — это и есть та самая темная, самая реакционная, самая преступная сила, с помощью которой буржуазия пытается «отстоять гибнущее капиталистическое рабство». Фашизм есть самая жестокая, террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических элементов империалистической буржуазии. Фашизм ставит своей целью подавить рабочий класс, крестьянство, прогрессивную интеллигенцию и предотвратить социалистическую революцию. Фашизм — это специфический вид буржуазной контрреволюции, буржуазной диктатуры, возникший в определенных исторических условиях. Важно иметь в виду, что отнюдь не всякая буржуазная контрреволюция является фашизмом. Многие буржуазные противники фашизма допускают ошибку, когда сводят фашизм лишь к «диктатуре» и насилию. Однако контрреволюционная диктатура может существовать в различных видах, отнюдь еще не представляя собой фашизма. Фашизм как особый вид контрреволюции возник в период общего кризиса капитализма, как реакция на Октябрьскую социалистическую революцию в России. Ранние, эмбриональные, если так можно сказать, формы фашизма можно увидеть в контрреволюционном терроре в Германии, Венгрии и Финляндии 1918–1919 гг.

³⁴ Термин «фашизм» впервые был применен именно в Италии. Он происходит от названия сицилийских «крестьянских союзов» («фаши сичилиани»), существовавших на этом острове на рубеже XIX и XX вв. (См.: Пезенти А. Университеты жизни. — М., 1977. С. 2).

³⁵ См.: Филатов Г.С. Фашизм, неофашизм и антифашистская борьба в Италии. — М., 1984.

³⁶ Димитров Г. Избранные произведения. Т. 2. С. 66.

³⁷ Галкин А.А. Социология неофашизма. — М., 1971. С. 65.

³⁸ Филатов Г.С. Крах итальянского фашизма. — М., 1973. С. 5–6.

³⁹ Хаффнер С. Самоубийство Германской империи. — М., 1972. С. 135. Глава 2.

⁴⁰ Там же. Т. 21. С. 84.

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 351–352. «В Германии, — писал Ф. Энгельс, — мечанство — это плод потерпевшей поражение революции, результат прерванного и обращенного вспять развития; благодаря Тридцатилетней войне и последовавшему за ней периоду оно приобрело свои особые, резко выраженные характерные черты: трусость, ограниченность, беспомощность и неспособность к какой бы то ни было инициативе, между тем как почти все другие крупные народы переживали как раз в это время быстрый подъем».

⁴² См. подробнее: Кучинский Ю. Очерки истории германского империализма. — М., 1952; см. также: Леви Г. Германские монополии. — М., 1936.

⁴³ «Шесть крупнейших берлинских банков, — отмечал В.И. Ленин в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма», — были представлены через своих директоров в 344 промышленных обществах и через своих членов правления еще в 407, итого в 751 обществе... Среди этих торгово-промышленных обществ мы встречаем самые разнообразные отрасли промышленности: и страховое дело, и пути сообщения, и рестораны, и театры, и художественную промышленность и пр. С другой стороны, в наблюдательных советах тех же шести банков были (в 1910 г.) 51 крупнейших промышленников, в том числе директор фирмы Крупш... и т.д. и т.п.». Германия убедительно подтверждала вывод В.И. Ленина о «личной унии» банков с крупнейшими предприятиями промышленности и торговли, о слиянии «тех и других посредством владения акциями, посредством вступления директоров банков в члены наблюдательных советов (или правлений) торгово-промышленных предприятий и обратно».

⁴⁴ Характеризуя «пруссский» путь развития сельского хозяйства, В.И. Ленин писал: «...крепостническое помещичье хозяйство медленно перерастает в буржуазное, юнкерское, осуждая крестьян на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы, при выделении небольшого меньшинства «гроссбуаэров» («крупных крестьян»)» Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 216.

⁴⁵ См.: Кучинский Ю. Очерки истории германского империализма. Гл. III.

⁴⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 82.

⁴⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 457. Как подчеркивал Ф. Энгельс, итальянская либеральная буржуазия, придя к власти в период борьбы за национальную независимость, не смогла и не захотела довести свою победу до конца. Она не уничтожила остатки феодализма и не реорганизовала национальное производство на современный буржуазный лад. Не способная обеспечить стране относительные и временные преимущества капиталистического строя, буржуазия взвалила на нее все трудности, все тяготы этого строя.

⁴⁸ Тольятти П. Лекции о фашизме. — М., 1974. С. 181.

⁴⁹ Цит. по: Манчестер У. Оружие Крупша. — М., 1971, С. 211.

⁵⁰ Цит. по: Германская история. — М., 1970, Т. 1. С. 436.

⁵¹ См.: Кучинский Ю. Очерки истории германского империализма. Т. 1. С. 144.

⁵² См.: Германский империализм и милитаризм. — М., 1965; см. также: История фашизма в Западной Европе. — М., 1978. С. 161.

⁵³ Shirer W. The rise and Fall Third Reich. — L., 1973.

⁵⁴ Бахман К. Кем был Гитлер в действительности? С. 57.

⁵⁵ Mower A.E. Germany puts the clock back. — L., 1933.

⁵⁶ Бахман К. Кем был Гитлер в действительности? С. 85.

⁵⁷ Цит. по: Бланк А.С. Из истории раннего фашизма в Германии. Организация, идеология, методы. — М., 1978. С. 52.

⁵⁸ Цит. по: Бахман К. Кем был Гитлер в действительности? С. 71.

⁵⁹ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin. 1966. Bd. 5. S. 10.

⁶⁰ Mower A.E. Germany puts the clock back. — L., 1933.

⁶¹ См.: Норден А. Фальсификаторы. — М, 1959. С. 125.

⁶² Цит. по: Бахман К. Кем был Гитлер в действительности? С. 83.

⁶³ Там же. С. 69.

⁶⁴ Там же. С. 68.

⁶⁵ Nolte E. Die Krise des liberalen System und faschistische Bewegung. — Munchen, 1968. S. 126.

⁶⁶ Примечательно, что во времена нацистов Боннский университет решил, что Крупш не просто военный герой. Ученые мужи пришли к выводу, что снаряды и пушки Крупша способствовали прогрессу человечества, а посему они присвоили Крупшу степень почетного доктора философии (см.: Манчестер У. Оружие Крупша. С. 209).

⁶⁷ См.: Боркин Дж. Преступление и наказание «ИГ Фарбениндустри». – М., 1982. С. 116.

⁶⁸ См.: Пик В. Избранные произведения. – М., 1956. С. 207; Петрушов А. Аграрные отношения в Германии. – М., 1945.

⁶⁹ Пик В. Избранные произведения. С. 119.

⁷⁰ См.: Грамши А. Избранные произведения. Т. 1. С. 159.

⁷¹ Цит. по: Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской компартии. – М., 1953. С. 92.

⁷² Mowrer А.Е. *Immortal Italy*. P. 361; См.: также Палм-Датт Р. Фашизм и социалистическая революция. – М., 1935. С. 89, 90.

⁷³ Цит. по: Лопухов Б.Р. Фашизм и рабочее движение в Италии. 1919–1929. – М., 1968. С. 43.

⁷⁴ См. Лопухов Б.Р. Фашизм и рабочее движение в Италии. 1919 – 1920. – М., 1968. С. 255, 256. Крупнейшими капиталистическими магнатами, владельцами огромного недвижимого имущества становились и фашистские вожаки (см.: Тольятти П. Избранные статьи и речи. Т. 1. С. 217).

⁷⁵ Манцокки Б. Очерки экономической политики Италии. – М., 1962. С. 24.

⁷⁶ Schacht Н. *Abrechnung mit Hitler*. – Hamburg, 1948. S. 7–9.

⁷⁷ Руге В. Гинденбург. Портрет германского милитариста. – М., 1981. С. 16,17.

⁷⁸ Людвиг Э. Последний Гогенцоллерн (Вильгельм II). – Л., 1929. С. 103.

⁷⁹ Bernhardt F. Von. *Unsere Zukunft; Ein Mahnwort an das deutsche Volk*. – Stuttgart, 1912. S. 130.

⁸⁰ Руге В. Гинденбург. Портрет германского милитариста. – М., 1981. С. 39.

⁸¹ Liebknecht К. *Militarismus und Antimilitarismus*. – *Ausgewahlte Reden*. – В., 1952. S. 46.

⁸² О внешней политике германского империализма: Хальгартен Г. Империализм до конца 1914 года. – М., 1961.

⁸³ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – М., 1969. С. 313, 314.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОНД ПОДДЕРЖКИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ
ЦЕНТР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ПРОЕКТОВ

Серия
«Библиотечка Центра развития
социально-гуманитарных проектов»

Из цикла
«ИМИДЖ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ»
праваистории.рф
truthrussia.ru

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ
БЕССОНОВ

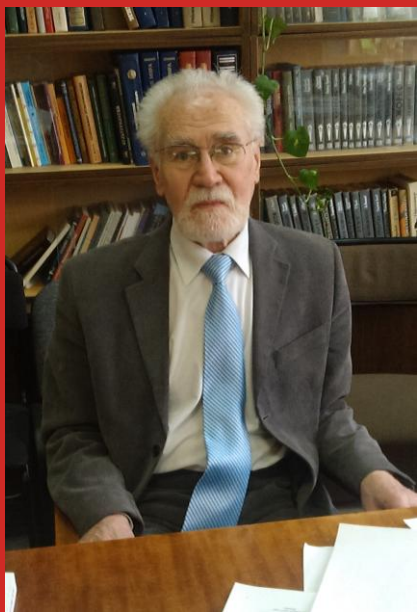
СОВЕТСКИЙ НАРОД – СПАСИТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
В четырех частях. Часть первая

Академия гуманитарных исследований
Издательский дом «Гуманитарий»
E-mail: academyrh@list.ru

Технический редактор Л.О. Осемян
Верстка: А.А. Львова, Е.И. Романова, В.М. Топилина

Формат 60x90/16. Печать цифровая.
Бумага офсетная №1. Печ.л. 3,5. Тираж 2400. Заказ
Отпечатано в типографии «Ваш полиграфический партнер»
Москва, 127238, Ильменский пр., д. 1, стр. 6.

Борис Николаевич Бессонов – доктор философских наук, профессор, действительный член Академии гуманитарных исследований.

Борис Николаевич – известный российский ученый-обществовед, автор многочисленных научных монографий и статей по проблемам политической философии и социально-политической теории.

Борис Николаевич Бессонов был ответственным работником ЦК КПСС, в 1984 – 1987 гг. консультантом, затем – руководителем группы консультантов отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС, в 1979– 1981 гг. был руководителем группы советских консультантов в отделе внутрипартийной учебы ЦК КП Кубы.

В 1987 – 1991 гг. Борис Николаевич заведовал кафедрой философии Академии общественных наук при ЦК КПСС, а с 1991 г. по 1994 г. – кафедрой философии Академии государственной службы при Президенте РФ.

С 1994 г. по 2001 г. работал в Российском Государственном торгово-экономическом университете (РГТЭУ) в качестве проректора, а с 2001 г. по 2005 г. – в качестве директора института социально-гуманитарных наук РГТЭУ.

С 2005 г. по настоящее время Борис Николаевич заведует общеуниверситетской кафедрой философии и религиоведения Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Большинство своих произведений, в том числе многие книги и статьи, Борис Николаевич Бессонов посвятил разоблачению бесчеловечной идеологии и преступной политики фашизма, убедительному показу великой духовной силы советских людей, сокрушивших фашизм и спасших человечество от фашистского варварства и порабощения.